

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ОЛЕГ ИВИК

О БРАЧНОЙ
И ВНЕБРАЧНОЙ
ЖИЗНИ

Олег Ивик

О брачной и внебрачной жизни

Серия «Культура повседневности»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59925013

О брачной и внебрачной жизни: Новое литературное обозрение;

Москва; 2020

ISBN 978-5-4448-1419-2

Аннотация

Отношение к сексу, браку, разводу постоянно меняется — и в то же время они остаются константами человеческой цивилизации. В книге «О брачной и внебрачной жизни» журналист Ольга Колобова и археолог Валерий Иванов, пишущие под общим псевдонимом Олег Ивик, суммируют свою многолетнюю работу над этими темами. Перед нами увлекательная история браков, разводов и сексуальных традиций, которую авторы прослеживают на протяжении многих веков: от Древнего Египта до современности. Мифы и ритуалы, сложные свадебные правила и юридические курьезы, брачные обряды Древнего Рима и Древней Руси, Китая и Полинезии — огромный охват материала в этой книге сочетается с легким и веселым языком, который порой напоминает о «Всеобщей истории, обработанной Сатириконе».

Внимание! Книга содержит нецензурную лексику.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
«ПОБОЛЬШЕ МОЛЧИ!» (ЕГИПЕТ)	11
У ИСТОКОВ БРАЧНОЙ ЖИЗНИ (ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ)	36
Месопотамия	36
Хетты	68
Бракоразводный процесс в Угарите	75
Служители Кибелы	78
Зороастрийцы	80
ГИНЕКЕЙ И ГИМЕНЕЙ (ГРЕЦИЯ)	84
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Олег Ивик О брачной и внебрачной жизни

ПРЕДИСЛОВИЕ

О том, стоит ли людям вступать в брак, существуют разные мнения. Почти четыре тысячи лет тому назад законы Хаммурапи предупреждали жителей Вавилона, что жена может начать «вздорничать, разорять свой дом и унижать своего мужа».

Двумя тысячелетиями позднее грек Ахилл Татий писал о свадьбе: «О размерах этого несчастья можно судить даже по приготовлениям к браку. Флейты вопят, ворота лязгают, пылают факелы. Наблюдая всю эту суматоху, любой скажет: „Как видно, вступление в брак – это большое несчастье, похоже, что человека отправляют на войну...“»

Прошло еще тринадцать веков, и неизвестный, но мудрый автор средневекового трактата «Пятнадцать радостей брака» пишет: «Брачующийся мужчина подобен рыбе, что привольно гуляла себе в море и плавала куда ей вздумается и вот эдак, плавая и резвясь, наткнулась вдруг на сеть, мелкаячистую и прочную, где быются пойманные рыбы, кои, учуяв

вкусную приманку, заплыли внутрь да и попались. И вы, верно, думаете, что при виде этих бедняг наша вольная рыба улепетывает поскорее прочь? Как бы не так – изо всех сил тшится она найти вход в коварную ловушку и, в конце концов, все-таки пробирается туда, где, по ее разумению, забав и усад хоть отбавляй... А уж коли попала, то обратно выхода не ищи, и там, где полагала найти она приятности и утех, обретае одну лишь скорбь и печаль. Таково же приходится и женихам – завидно им глядеть на тех, кто уже барахтается в брачных сетях, будто бы вольно резвясь внутри, словно рыба в море. И не угомонится наш холостяк до той поры, пока не перейдет в женатый чин. Да вот беда: попасть-то легко, а вернуться вспять трудненько, жена – она веь прижмет так, что и не вывернешься».

На рубеже XIX и XX веков Оскар Уайльд устами своего героя заявляет: «Мужчины женятся от усталости, женщины выходят замуж из любопытства. И те и другие разочаровываются».

Чеховский герой, мечтающий избежать брака и умоляющий врача дать ему свидетельство, что он сумасшедший, нарывается на следующую отповедь: «Кто не хочет жениться, тот не сумасшедший, а напротив, умнейший человек... А вот когда захочешь жениться, – ну, тогда приходи за свидетельством... Тогда ясно будет, что ты сошел с ума...

Но есь и противоположная точка зрения, высказанная незабвенным Подколесиным: «Как глупы все, которые не же-

няться». Тот же Уайльд устами другой своей героини утверждает: «Это просто позор, сколько холостяков встречаешь нынче в обществе. Надо бы провести такой закон, чтобы заставить их всех жениться в течение года».

Вольтеру приписывают такую мысль: «Брак – самое дорогое сокровище людей, когда согласие душ и сердец, чувств, вкусов и характеров стягивают его узы, созданные природой, связанные любовью, и облагороженные честью... Такой брак, такой дорогой союз, если он встречается, – само небо на земле». Правда, сам философ о «небе на земле» мог судить лишь понаслышке, поскольку всю жизнь оставался холостяком. Но вот ведь и знаменитый поэт XVI века Ганс Сакс утверждал:

Не будет мил и белый свет,
Коль никакого мужа нет.

Короче говоря, точек зрения много. Но факт остается фактом: что бы ни писали по поводу брака законодатели, философы и поэты, во всем мире во все времена люди женились и выходили замуж, и избежать такой участи удалось очень немногим.

В отличие от брака, разводы в любом обществе были гораздо менее обязательны. И все же они существовали всегда. Недаром Вольтер в «Философском словаре» писал: «Развод,

вероятно, почти столь же стар, как и брак. Хотя я полагаю, что брак на неделю-другую древнее».

Разводились боги и люди, духи и литературные герои. Развелся египетский бог земли Геб с богиней неба Нут. Расстался с красавицей Нефертити знаменитый Эхнатон. Пытались освободиться от брачных уз жены крестоносцев, направившие папе римскому коллективное письмо. Разводился, ссылая опальных жен в монастырь, Иван Грозный. Хотел развестись с Анной Карениной ее муж Алексей Александрович Каренин. Разводилась с Васисуалием Лоханкиным его жена Варвара...

Оскар Уайльд утверждал, что разводы совершаются на небесах. И в этом есть немалый резон, поскольку достаточно естественно, чтобы браки расторгались там же, где они совершаются. Эту версию подтверждает известный духовидец Эмануэль Сведенборг, который во время своих посещений загробного мира неоднократно наблюдал разводы в «мире духов», в том числе и такие, которые сопровождались драками между покойными супругами.

Впрочем, по завершении бракоразводной процедуры ссоры, как правило, прекращаются, чего не скажешь о процедуре брачной. И остается только удивляться, почему церемония даже самого удачного развода обычно обставлена гораздо скромнее, чем даже самая безрадостная свадьба.

Браки и разводы никогда не были личным делом – обще-

ство активно диктовало людям, с кем и как им можно или нельзя вступать в брак и разводиться. Казалось бы, к сексу это относится в меньшей степени: сегодня большинство европейцев привыкли к тому, что уж постель – дело сугубо личное. Тем не менее в законодательстве любой страны можно найти сексуальные запреты, а для многих людей по-прежнему значимы требования, налагаемые религией и традицией. Если же окинуть взором историю человечества в целом, то выяснится, что вся она пронизана сексуальными запретами, разрешениями и предписаниями.

Регламентировался секс брачный и внебрачный, секс мирян и секс священнослужителей, секс царей и секс простых смертных... Существовало множество запретов, но немало имелось и предписаний, которые прямо указывали людям на их сексуальные обязанности.

Жрецы, священники и законодатели ломали копья и изводили тонны глины, папируса, пергамента и бумаги, пытаясь объяснить народам, как, с кем, когда, зачем и в каких условиях можно или нельзя заниматься сексом. Причем то, что считалось нравственным у одних народов, объявлялось категорически неприемлемым у других. В то время как в Вавилоне жрицы Милитты во славу своей богини торговали собой, в двух тысячах километров от них римляне живьем зарывали в землю жриц Весты, осмелившихся нарушить обет девственности. Особо раскрепощенные римские императоры могли вступать в бесчисленные связи, в том числе с род-

ными сестрами, и играть гомосексуальные свадьбы с мальчиками-отпущенниками, а их китайские коллеги предавались любовным утехам лишь в рамках гарема, под строгим контролем евнухов и не дольше, чем позволялось ритуалом.

О том, как жители разных стран за последние примерно пять тысяч лет сватались, играли свадьбы, занимались (или не занимались) сексом, а иногда и разводились, и о том, как ими руководили традиция, религия и закон, – рассказывает эта книга. Ее авторы – Ольга Колобова и Валерий Иванов – работают под общим псевдонимом Олег Ивик.

В книге помимо исторических источников широко используются источники мифологические, повествуется не только о «человеческих», но и о «божественных» свадьбах, разводах и любовных приключениях. Ведь мифы создавались людьми, и в рассказах о богах отразились людские представления о нормах семейной и сексуальной жизни.

Книга написана для широкого круга читателей, поэтому авторы намеренно упрощали специальные вопросы, а из законов и традиций, которые у разных народов нередко были очень похожи, выбирали только самое, с их точки зрения, любопытное, опуская бесчисленные повторы. Многим народам с интереснейшими традициями в книге, к сожалению, просто не нашлось места.

Любую из глав можно было бы превратить в отдельный и достаточно толстый том. Но такие тома, написанные спе-

циалистами, уже существуют, и к ним авторы отсылают тех, кто хочет получить исчерпывающую информацию, – в конце книги есть список использованной литературы.

К теме браков, разводов и регламентации сексуальных отношений Олег Ивик уже обращался в ряде своих предыдущих книг. В настоящей книге исправлены некоторые ошибки и неточности; многие древние тексты цитируются в других переводах – поэтому имена исторических и мифических личностей могут отличаться от тех, которые использовались нами раньше. Переводчики стихов указаны в постраничных примечаниях; все источники и переводчики других текстов отмечены в библиографии.

При цитировании исторических документов мы намеренно убрали скобки, которыми отмечены сомнительные или темные для перевода места, – таким образом текст, без изменения его смысла, стал легче читаться. Авторы надеются, что эти и другие подобные упрощения не вызовут нареканий со стороны читателей, которым они хотели дать общее, достаточно поверхностное, но по возможности интересное представление о том, из чего складывалась и как регулировалась личная жизнь людей по всему миру с древности до наших дней.

«ПОБОЛЬШЕ МОЛЧИ!» (ЕГИПЕТ)

Самый, наверное, древний на свете текст, в котором говорится о браке, был создан в Египте в III тысячелетии до н. э. Это «Поучения Птаххотепа», мудреца, жившего в эпоху Древнего царства¹.

Если преуспеваешь ты, то обзаведись хозяйством. Люби жену свою со всей глубиной. Насыщай плоть ее, одевай спину ее. Умещения – это средства для тела ее. Радуй ее сердце все время, пока будешь жив ты. Плодородное поле это для обладающего ею. Не судись с ней судом, но отстраняй ее от власти, чтобы сдержать ее. Буря ее – это глаза, когда смотрят они. Место пребывания ее надлежащее – это в доме твоём.

Это советы для человека, который «преуспевает». А как должен был обращаться с женой человек попроще? Советов для простолюдина не сохранилось – да их, наверное, и не было. Но судя по тому, что дело между супругами могло дойти до суда, ссориться с женами египтянам – ни знатным, ни безродным – было не слишком интересно. Тем более что египетский брачный контракт, как правило, предусматривал раздельное владение имуществом. А в случае развода треть из

---

¹ Примерно конец XXVIII – середина XXII века до н. э.

всего, что супруги нажили вместе, по закону доставалась жене. Не так уж и мало, если учесть, что жена обычно не работала, а только вела домашнее хозяйство.

Через тысячу лет после Птаххотепа тему обращения с женой продолжает в своих поучениях другой египетский мудрец:

Не обременяй жену опекой, если ты знаешь, что она в полном здравии; не говори ей: «Где это? Принеси это нам!», когда она положила эту вещь в удобное место. Побольше молчи и наблюдай...

«Побольше молчи!» Все цивилизации мира адресуют этот призыв к женам, и только египтяне – к мужьям.

Впрочем, египетские мужья, судя по документам, отличались крайней покладистостью. Например, от эпохи Нового царства² сохранился папирус (он находится в Лейденском музее³), в котором египтянин, обращаясь к своей усопшей жене, рассказывает, как замечательно он обходился с ней, пока она не умерла, и даже после этого.

Каждому, кто заговаривал со мной о тебе и советовал, я отвечал: «Я сделаю, как пожелает ее сердце!..» И вот смотри: когда мне поручали наставлять военачальников войска фараона и его колесничих, я посылал их, чтобы они простирались

---

² XVI–XI века до н. э.

³ № 371, не путать с известным Лейденским медицинским папирусом (№ 1-3837).

на животе перед тобой и приносили всевозможные прекрасные дары. Я никогда не скрывал от тебя своих доходов... Никогда не было, чтобы я пренебрегал тобой, подобно простолюдину, входящему в чужой дом... Мои благовония, сладости и одежды я никогда не отсылал в другой дом, а, наоборот, говорил: «Моя супруга здесь!» Ибо я не хотел тебя огорчать... Когда ты заболела постигшей тебя болезнью, я призвал врача, и он сделал все необходимое и все, что ты велела ему сделать. Когда я сопровождал фараона на юг, я во всем поступал, помня о тебе. Я провел восемь месяцев без еды и питья, подобно человеку моего положения. Когда я вернулся в Мемфис, я испросил у фараона отпуск и отправился туда, где ты обитаешь [к твоей гробнице], и я много плакал вместе с моими людьми перед изображением твоим. Три года прошло с тех пор. Но я не войду в другой дом, подобно человеку моего положения... И смотри, хотя есть сестры в нашем доме, я не ходил ни к одной из них.

Письмо это было положено в гробницу усопшей. Причиной его написания стало то, что вдовец заподозрил бывшую супругу в загробных кознях. Он заболел и решил, что недуг наслан на него покойной женой. Трудно представить, чтобы в такой ситуации кто-то отважился на ложь. Поэтому, надо думать, сказанное в папирусе – чистая правда.

Но это все – о семейной жизни. А что же о свадьбах? Мы много знаем о жизни египтян, но, как ни странно, о египет-

ских свадьбах нам не известно почти ничего. Такое впечатление, что египетские браки совершались «на небесах» и никакими земными церемониями, ни религиозными, ни светскими, не обставлялись. И свадебного пира, судя по всему, тоже не было. По крайней мере, мы о нем не знаем... Может быть, египтяне были слишком озабочены приготовлениями к загробной жизни, чтобы заботиться еще и о жизни семейной. Похороны были дверями в вечность, а свадьба – лишь в недолгое семейное счастье. Тем более недолгое, что разводы в Египте случались, и надоевшую супругу тащить с собой в лучший мир было совсем не обязательно.

А может быть, игнорируя свадебные торжества, египтяне следовали примеру своих божественных покровителей? Ведь важнейшие божества египетского пантеона, супруги Исида и Осирис, никакой свадьбы не играли. Боги-близнецы сочетались браком в утробе матери, богини неба Нут, еще до своего рождения. Так что им волей-неволей пришлось обойтись без свадебного пира и без торжественной процессии.

Судя по всему, брачная церемония у египтян сводилась к подписанию контракта и к переезду жены с приданным в дом мужа. Единственным ритуалом, о котором мы знаем, был обмен браслетами (а позднее – железными кольцами). Брачные контракты передавались на утверждение джати – наместнику фараона, исполнявшему, в частности, роль судьи. Джати следил, чтобы в документе определялись обязанности мужа по содержанию супруги и было подробно

описано приданое жены (на случай возможного развода).

Даже фараоны не устраивали своим отпрыскам пышных свадеб. В «романе» о Сатни-Хаэмуасе⁴ фараон, решивший выдать замуж свою дочь Ахури за своего же сына Неферкаптаха, отдает по этому поводу самое лаконичное приказание. «Пусть приведут Ахури в дом Неферкаптаха этой же ночью! И пусть принесут с ней превосходные дары!» Что и было исполнено. Потом новобрачная вспоминала: «Они привели меня, как супругу, в дом Неферкаптаха. Фараон повелел, чтобы мне доставили красивое богатое приданое золотом и серебром, и все люди царского дома мне его преподнесли».

Скромные воспоминания по нашим сегодняшним меркам. Но зато фараон в этом романе разрешил своим детям то, что очень редко позволялось в правящих семействах: брак по любви. Дело в том, что сначала венценосный отец намеревался выдать дочку за одного военачальника, а сына – женить на дочери другого. Но увидев, что дети любят друг друга чистой любовью (то, что они были братом и сестрой, в Египте никого особенно не удивляло), отец пошел навстречу влюбленным.

В египетской литературе есть еще одно занятное описание царского брака. В сказке «Обреченный царевич», записанной в период Нового царства, говорится, что некий сын фараона отправился странствовать по миру. Когда он дошел до Нахарины (египетское название Митанни в Междуречье),

---

⁴ Действие «романа» происходит в XIII веке до н. э.

он узнал, что правитель этой страны решил отдать свою дочь в жены тому, кто сумеет допрыгнуть до ее окна. Поскольку окно невесты «было удалено от земли на семьдесят локтей», толпа женихов вот уже три месяца проводила время в непрерывных прыжках. Кстати, головы им, в отличие от европейских аналогов этой сказки, никто не рубил, и юноши мирно, хотя и бесплодно, прыгали под окном у невесты. Сын фараона, естественно, оказался победителем в этом соревновании и женился на принцессе.

В другой египетской сказке «Фараон и вор» рассказывает, как выдавал свою дочь замуж фараон Рампсинит⁵. Рампсинит скопил несметные богатства и приказал зодчему построить специальное здание сокровищницы для их хранения. Зодчий исполнил повеление фараона, но вмонтировал в одну из стен камень, который не был скреплен с остальными. Умирая, зодчий поделился своей хитростью с сыновьями. Братья начали наведываться в сокровищницу, минуя стоявшую у дверей стражу. В конце концов фараон заметил недостачу и приказал поставить в сокровищнице капканы. Старший брат угодил в капкан и погиб, но младшему удалось спастись самому и унести голову брата, а потом, что было немаловажно для его посмертной судьбы, хитростью отнять у царской стражи и тело.

Тогда фараон тоже решил пойти на хитрость. Он объ-

---

⁵ Его ассоциируют с Рамсесом II или Рамсесом IV, правившими в XIII и XII веках, соответственно.

явил, что отдаст свою дочь в жены самому ловкому из пройдох и обманщиков Египта. Младший брат клюнул на приманку. Он явился к царевне и рассказал о том, как ограбил сокровищницу фараона, вызволил из темницы тело брата и опозорил стражу. Царевна, наученная фараоном, попросила у юноши его руку. Вести жениха она собиралась отнюдь не к брачному ложу, а в темницу. Но хитрец подсунил девушке отрубленную руку мумии и, пока та разбиралась и визжала, был таков.

Эта проделка пришлась по вкусу фараону, и он объявил новый указ: хитрому вору даровалось прощение и предлагалось действительно взять в жены царевну. Что тот и сделал.

Впрочем, это литература. А как в действительности вступали в брак фараоны и их дети?

У фараона обыкновенно была одна главная жена, носившая титул «Великой царской супруги». Эта жена обычно была родной или, по крайней мере, единокровной сестрой фараона. Именно брак с нею, старшей дочерью предыдущего царя, давал власть царю следующему. Если у предшествующего фараона не было сына от главной жены, он передавал власть одному из побочных сыновей, женив его на своей дочери-наследнице. Таким образом, новый правитель вступал в брак с единокровной сестрой. Но даже если сын от главной жены – законный наследник – у прежнего фараона имелся, он мог получить престол не иначе, чем женившись на доче-

ри-наследнице своего отца. В этом случае в брак вступали родные брат и сестра. И только если фараон умирал, не оставив сыновей (как, например, Тутанхамон), претенденты на трон могли добиваться брака с его вдовой или дочерью-наследницей, не будучи ее братьями.

Не случайно египетские фараоны никогда не выдавали своих дочерей замуж на сторону – разве что дочерей от второстепенных наложниц. Ведь брак с дочерью фараона от главной жены обеспечивал права на египетский престол. Недаром Аменхотеп III (первая половина XIV века до н. э.) в ответ на просьбу вавилонского царя Кадашман-Харбе отдать за него египетскую царевну ответил: «Египетская царевна никому не может быть отдана».

Впрочем, и тогда, когда о передаче власти речь не шла, браки с сестрами и даже с собственными дочерьми были для владык Египта делом обычным. Множество женщин, окружавших фараона, были его ближайшими кровными родственницами. От них просто некуда было деться. Ведь помимо главной жены у его отца-фараона было еще несколько второстепенных, но не менее законных жен. Были и наложницы, тоже имевшие вполне официальный статус. И у всех рождались дети, в том числе дочери!

Рамсес II за годы своего правления одних только главных жен сменил целых пять. Правда, он царствовал 67 лет. А всего у него было 162 ребенка. Одну из своих дочерей он сделал и своею женой. Кроме того, Рамсес II известен редким

по тем временам дипломатическим браком. Он заключил его с хеттской царевной, которую возвел в ранг «Великой царской супруги».

Вообще египетские фараоны редко вступали в равноправные дипломатические браки. Дочери окрестных царей обычно становились лишь рядовыми обитательницами их гаремов по той простой причине, что ни одно из близлежащих государств просто не дотягивало до Египта по уровню своей значимости. Хетты – другое дело, их держава одно время была серьезным соперником египтян за власть над Сирией и Палестиной. Рамсес II подписал с Хаттусилисом III мирный договор, и через некоторое время хеттская царица прибыла в Египет. Здесь она получила новое имя – Маатнефрура (видящая красоту Ра) – и статус главной жены фараона. Сохранилась египетская стела, на которой подробно описывается история этого брака. Если верить египтянам, хетты терпели от Рамсеса постоянные военные поражения, земли их пришли в упадок. И тогда Хаттусилис объявил:

Смотрите! Вот земля наша разорена и обращена в руины! <...> Не дает небо воды. Против нас земли все в качестве врагов ведут войну с нами. Соберем же захваченное нами имущество наше все! Вот дочь моя старшая перед тем, что преподнесем мы в качестве даров для бога совершенного [Рамсеса]. Даст он нам мир и жизнь нашу, царь Верхнего и Нижнего Египта...

И царица с богатой данью: золотом и серебром, рабами,

лошадьми, быками, овцами и прочими товарами – отправилась в Египет. В пути ее встретили войско и сановники фараона. Для того чтобы облегчить царственной невесте и ее свите тяготы далекого пути, Рамсес обратился к своему отцу, богу Сетху (Сету): «... Не сотвори дождя, ветра и снега, пока не достигнут меня чудеса, которые ты мне определил...» Бог исполнил просьбу сына, «небо было умиротворено», и зимой наступили летние дни. Такая же идиллия была достигнута и в отношениях между двумя народами. Стела сообщает:

Вот пехота, колесничное войско и сановники Его Величества, сопровождавшие ее (то есть девушку. – *Прим. пер.*), смешались с пехотой, колесничным войском и сановниками из Хатти. Вот они, будучи азиатскими воинами, подобны воинам царя Верхнего и Нижнего Египта, господина Обеих земель <...> сына Ра, господина воссияний, Рамсеса Мериамона⁶, дана ему жизнь. Подобно тому и колесничие его, и все люди земли Хатти смешались с египтянами, которые были среди них, пили они вместе. Вот сердце у них одно, и подобны они братьям, и нет злословия одного против другого. Мир и дружба, братство между ними в соответствии с планом самого бога, царя Верхнего и Нижнего Египта <...> Рамсеса Мериамона, дана ему жизнь.

Но помимо браков политических или, что случалось чаще, династических, фараоны вступали и в браки по любви.

---

⁶ Мериамон – возлюбленный богом Амоном.

Ярчайший пример тому – брак Аменхотепа III и дочери жреца, Ти́и, плодом которого стал великий религиозный реформатор Эхнатон.

Аменхотеп III был фараоном достаточно заметным, он оставил бы след в истории, даже не будь он отцом Эхнатона. Этот правитель известен, во-первых, своей исключительно миролюбивой политикой: он практически не вел войн, кроме разве что карательных операций в Нубии. Во-вторых, он очень много строил... До наших дней сохранились две его гигантские статуи на западном берегу Нила – колоссы Мемнона. У ног южной статуи расположилась маленькая фигурка жены Аменхотепа, Ти́и. Такой масштаб был привычен для Египта: величие фараона подчеркивалось величиной его статуй. А жена, будь она даже «Великой царской супругой», на равное величие, а значит, и размеры, претендовать не могла. Но Ти́и претендовала на многое. Она участвовала в политике, вела переписку с иностранными монархами...

Известно, что Ти́и была не царского рода и относительно скромного происхождения. И отец, и мать ее служили при храме бога Мина. Сохранилась гробница ее родителей: их титулы отнюдь не высоки. Тем не менее Аменхотеп не только сделал Ти́и своей главной женой, но вызываясь объявил об этом всему свету. Поскольку брачные церемонии были не приняты, а со СМИ у фараонов дело обстояло неважно, царственная пара придумала необычный для того времени пиар-ход. В честь бракосочетания была выпущена серия па-

мятных жуков-скарабеев, на брюшке которых выгравировали один и тот же текст:

Царь Верхнего и Нижнего Египта, Небмаатра, сын Ра Аменхотеп, властитель Фив, которому дарована жизнь и великая царская супруга Тии, да живет она! Имя ее отца – Иуйа, имя ее матери – Туйа. Это жена могущественного царя: его южная граница у Карои (в верхней Нубии), северная – у Нахарины (Митанни).

Новобрачный обнаружил безвестные имена родителей своей молодой жены, с вызовом давая понять, что «Великая царская супруга», равно как и ее родные, не подлежат оценке по обычным меркам.

В Египетском музее в Берлине можно видеть скульптурный портрет Тии: ее не назовешь красавицей. Тем не менее она не только сумела приворожить Властителя обеих земель и до конца сохранить титул его главной жены, но и сделала своего сына, Аменхотепа IV, фараоном.

Аменхотеп IV больше известен нам под именем Эхнатон. Его брак с красавицей Нефертити был, по-видимому, тоже браком по любви. Во всяком случае, Нефертити, как и ее свекровь, была не царского рода: она никогда не носила титула царской дочери. Но влюбленный фараон сам дал ей официальные титулы: «владычица радости, прилепляющаяся к благоволению, коей ликуют, слушая голос». Он же дал ей дополнительное имя Нефернефруатон – «Прекрасны красоты

Атона».

У фараона был большой гарем – туда входили в том числе дочери подчиненных ему государей, на которых он женился из политических соображений. Но титул «жена царева великая, возлюбленная его, владычица обеих земель» принадлежал единственной женщине – царице Нефертити.

На стенах гробниц, дворцов и храмов сохранилось множество изображений царицы рядом с ее великим супругом. На них они вместе служат Атону – солнечному диску, вместе отдыхают в кругу своих дочерей, принимают дань, в сопровождении чиновников объезжают столичные заставы и даже вместе сражаются. Маловероятно, чтобы Нефертити, как это изображено на росписях, собственноручно сокрушала иноземных врагов, но показательно, что в глазах египтян царица всегда находилась рядом с мужем.

Принося официальные клятвы богам, Эхнатон клялся не только своим отцом-солнцем, но и своей любовью к жене. Жрецы и сановники на стенах загодя заготовленных гробниц обращались к изображению Нефертити с молитвами, как к божеству. За предшествующие две тысячи лет существования египетского государства ни одна царица не удостоивалась подобных почестей.

Но начиная с четырнадцатого года правления Эхнатона имя Нефертити внезапно перестает появляться на настенных росписях и рельефах. Согласно одной из версий, царица рассталась с мужем, поскольку поняла всю несостоятель-

ность его религиозной реформы, потрясшей основы государства, и Эхнатон не смог простить своей бывшей соратнице измену идее. Существует и диаметрально противоположная точка зрения: сам фараон-еретик под давлением жречества решил отказаться от реформ, не нашедших поддержки у египтян, и царица восприняла это как предательство. Так или иначе, совместной деятельности, равно как и совместному проживанию супругов, пришел конец. Но еще раньше, в годы триумфа Нефертити, на сцене появляется вторая женщина, потеснившая «жену цареву великую» на ее троне. Имя этой женщины – Кэйе.

Египтологи до сих пор не пришли к единой точке зрения о том, кто такая Кэйе и как она оказалась рядом с фараоном. Но ее изображение все чаще появляется на рельефах и росписях. Вместе с Эхнатоном она служит Атону. А официальный титул, присвоенный ей, гласит: «жена-любимец большая царя и государя, живущего правдою, владыки обеих земель... который будет жив вековечно вечно, Кэйе».

Именно для Кэйе, по-видимому, фараон построил так называемую южную усадьбу и северный дворец в Ахетатоне, новой столице Эхнатона. Имя владелицы было еще при жизни Эхнатона изглажено и заменено на имя Меритатон, дочери фараона. Долгие годы бытовало мнение, что Эхнатон передал царевне имущество опальной Нефертити. Но обнаруженные археологами прописи, по образцу которых рабочими делались надписи на стенах зданий, свидетельствуют: перво-

начальной владелицей усадьбы и дворца была Кэ́йе. А в последние годы царствования Эхнатон даже назначил ее своим соправителем. . . Впрочем, ее постигла еще более горькая участь, чем «царевну великую».

У Кэ́йе не только отобрали подаренные фараоном дворцы, ее имя не только было стерто с множества изображений. Фараон лишил свою бывшую фаворитку и посмертных благ. Известно, что для Кэ́йе, как это было принято у знатных египтян, были заранее приготовлены роскошная гробница и золотой гроб. Стены этого гроба Кэ́йе украсила трогательными надписями, в них она воспевала свою любовь к фараону, которая должна была продолжаться вечно:

Сказывание слов Кэ́йе – жива она! Буду обонять я дыхание сладостное, выходящее из уст твоих. Буду видеть я красоту твою постоянно – таково мое желание. Буду слышать я голос твой сладостный северного ветра. Будет молодеть плоть моя в жизни от любви твоей. Будешь давать ты мне руки твои с питанием твоим, буду принимать я его, живущий правдою. Будешь взывать ты во имя мое вековечно, не надо будет искать его в устах твоих, мой владыка. Будешь ты со мною вековечно вечно, живым, как Йот [Атон]! Для двойника жены-любимца большой царя и государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рЭ [Эхнатон], отрока доброго Йота живого, который будет тут жив вековечно вечно, Кэ́йе – жива она!

Но воспользоваться этим гробом Кэ́йе не пришлось.

Чем бы ни был вызван гнев фараона, опала, постигшая «жену-любимца», была окончательной и бесповоротной. Неизвестно, где и когда похоронена Кэ́йе, но ее золотой гроб достался другому владельцу. В нем была найдена мумия мужчины. Многие исследователи допускают, что она принадлежит самому Эхнатону.

А вот знаменитому Тутанхамону, который был, по-видимому, сыном Эхнатона от одной из его второстепенных жен, жениться по любви не пришлось. Он был совсем еще мальчиком, когда его связали узами брака с дочерью Эхнатона и Нефертити, Анхесенпаатон (позднее переименованной в Анхесенпаамон). Невеста была старше жениха на два-три года.

После смерти восемнадцатилетнего брата-супруга, Анхесенпаамон, Великая вдова царя, ставшая властительницей Египта, совершает неожиданный, совершенно немыслимый политический и брачный ход. Не желая делиться властью ни с кем из своих сановников или братьев, она тайно посылает письмо хеттскому царю Суппилулиумасу⁷. Табличка с текстом этого письма была найдена в дипломатическом архиве хеттов.

Мой муж умер. Сына я не имею. Но у тебя, как говорят, сыновей много. Если бы ты дал мне из них

---

⁷ Суппилулиумас I (Суппилулиума I) – правил в середине XIV века до н. э., крупнейший хеттский дипломат, полководец и политик.

одного твоего сына, он стал бы моим мужем. Никогда я не выберу моего слугу и не сделаю его моим мужем... Я боюсь такого позора.

Предложение сделать хетта царем Египта было настолько невероятным, что Суппилиумас в него не поверил. Он отправил юной царице полное сомнений письмо, которое до нас не дошло. Но дошел ответ Анхесенпаамон, в котором она продолжала требовать себе хеттского мужа-царевича:

Почему ты говоришь, они обманывают меня в этом деле? Если бы я имела сына, разве я написала бы о позоре моем собственном и моей страны в чужую страну? Ты не поверил мне и даже сказал мне об этом. Тот, кто был моим мужем, умер. Сына я не имею. Никогда я не возьму своего слугу и не сделаю его моим мужем! Я не написала ни в какую другую страну! Только тебе я написала! Как говорят, твои сыновья многочисленны. Так дай мне одного твоего сына! Мне он будет мужем, а в Египте он будет царем.

В конце концов молодая вдова сумела убедить хеттского царя. Он послал сына в Египет, но заговор был раскрыт, караван жениха атакован египетской армией и перебит. Вместо юного иноземного принца Анхесенпаамон получила в мужа старого египетского сановника Эйе. Случилось то, чего она так боялась: ей пришлось поступиться своей гордостью и сделать царем «своего слугу». Сохранился золотой перстень, на котором соединены имена Эйе и Анхесенпаа-

мон, написанные в округлых рамках-картушах, как писались только имена царей и цариц. Это косвенно говорит о браке между ними. Но известно, что Эйе, став фараоном, передал титул «Великой царской супруги» своей прежней жене, с которой жил до того, как взошел на царский трон. Верность, достойная восхищения.

Кстати, бракосочетание с дочерью-наследницей фараона имело для простого смертного одно крайне важное следствие: он становился богом и сыном бога Амона. И то и другое – не в символическом, а в самом прямом и непосредственном смысле. Современному человеку это понять трудно, но у египтян сомнений не вызывало.

Но что случилось с амбициозной дочерью Эхнатона? О ее дальнейшей судьбе нет никаких свидетельств. Но есть свидетельства, хотя и не вполне достоверные, что, прежде чем стать женой своего брата Тутанхамона, Анхесенпаамон была женой своего отца Эхнатона. Может быть, потому и противилась юная вдова браку с простым смертным, что до той поры ей приходилось делить ложе только с фараонами, пусть даже со своими кровными родичами...

Браки между родственниками были в Египте обычны не только в семьях правителей. Например, дяди могли жениться на племянницах. А вот браки с дочерьми и сестрами были только привилегией фараонов.

Распространенное мнение, что простые египтяне могли

жениться на своих сестрах, связано с тем, что у египетских юношей было принято обращаться к своей возлюбленной: «сестра». А начиная с Восемнадцатой династии⁸, этот обычай распространился и на жен. Так что слово «сестра» в египетском тексте может с равным успехом обозначать и сестру, и возлюбленную, и жену. Только судебные документы строго разграничивали эти термины.

Женщина тоже могла называть возлюбленного братом. При этом юные египтянки не стеснялись своего чувства:

О, поспеши к Сестре своей,
Как на ристалище – летящий конь,
Как бык,
Стремглав бегущий к яслям.

Любовные песни древних египтян нередко написаны от лица девушки или женщины. И очень часто девушка предвкушает, как ее любовь завершится браком:

Хочу, чтоб у матери выпросил в жены меня,
А ему невдогад.

Если тебе Золотою заступницей женщин
Я предназначена, Брат,
Приходи, чтобы я любовалась твоей красотой,
Чтобы мать и отец ликовали,

---

⁸ Примерно середина XVI – конец XIII века до н. э.

Чтобы люди чужие тобой восхищались,
Двойник мой прекрасный!

А женщина, выйдя замуж, продолжает объясняться
в страстной любви своему мужу:

Мое желанье – снадобье для глаз:
Я нежно льну к тебе, любви ища,
При взгляде на тебя они сияют!
О мой супруг, запечатленный в сердце!

Прекрасен этот час!
Пусть он продлится вечность,
С тех пор, как я спала с тобой,
С тех пор, как ты мое возвысил сердце.

Ликует ли, тоскует ли оно —
Со мной не разлучайся!⁹

В отличие от фараонов и чиновников высшего ранга, имевших гаремы, простые египтяне, как правило, удовлетворялись одной женой. Но завести вторую им не запрещалось. Сохранились, например, документы уголовного дела, возбужденного против грабителя усыпальниц, у которого было две жены. Судя по протоколу, они отлично ладили между собой.

---

⁹ Здесь и выше стихи в переводе В. Потаповой.

Сегодня трудно судить о том, насколько была распространена полигамия на берегах Нила. На стенах гробниц египтологи нередко встречают изображения многочисленных жен, сопровождающих египтянина в потустороннем мире. Но определить, были ли эти дамы женами покойного одновременно или по очереди, ученые очень часто не могут.

Женщинам многомужество возбранилось. Супружеская измена жены (в отличие от измены мужа) тоже возбранилась – неверную супругу могли предать смертной казни. В одной из сказок знаменитого папируса Весткар рассказывается о жреце по имени Убаоне, жена которого изменила ему. Особо обидным мужу, по-видимому, показалось то, что любовник был «неджесом» – простолюдином. С обидчиком муж расправился сам, точнее, с помощью крокодила. Почему-то настоящего крокодила он использовать не пожелал и изготовил восковую фигурку, оживленную волшебным образом:

Когда наступил вечер, неджес пришел к пруду по своему ежедневному обыкновению. Затем слуга кинул воскового крокодила ему вслед в воду. Он превратился в крокодила семи локтей длины. Затем он схватил неджеса...

Что же касается неверной жены, то ее судьбу решил лично царь:

Затем его величество царь Верхнего и Нижнего

Египта Небка¹⁰, право­глас­ный, приказал отвести жену Убаоне на поле, к северу от сто­ли­цы. И он сжег ее. Ее пепел был выброшен в реку.

Смертная казнь была распро­страненным наказанием за измену. Писец Ани (Новое царство) советует: «Берегись женщины, которая выходит тайком! Не следу­й за ней; она станет утверждать, что это была не она. Жена, чей муж да­леко, посылает тебе записки и зовет к себе каждый день, ко­гда нет свидетелей. Если она завлечет тебя в свои сети – это преступление, и ее ждет смерть, когда узнают об этом, даже если она не насладится своей изменой».

В сказке «Два брата» муж без суда убивает неверную жену и выбрасывает ее труп собакам – ни люди, ни боги не осуждают его за это.

Но если изменять супругу было нельзя, то покинуть его было можно без особых проблем. Египтяне, а во времена Но­вого царства и египтянки, пользовались в этом вопросе от­носительной свободой. В определенном смысле их возмож­ности даже превосходили возможности современных супру­гов. Ведь если мы разводимся лишь при жизни, то египтя­не сохраняли за собой право покинуть надоевшего супруга и после смерти.

Известна надгробная надпись над супругами, которые

---

¹⁰ Небка правил в XXVII веке до н. э.; папирус Весткар датируется XVIII–XVI веками до н. э.

«удалились в страну вечности». Она с ликованием сообщает:

Мы будем с тобою вместе,
И бог разлучить нас не сможет.

Однако то, чего не может бог, вполне доступно простому смертному, и супруга покойного обещает мужу:

Клянусь, что я с тобой не расстанусь
До тех пор, пока не наскучу тебе¹¹.

Это дает основание думать, что супруги, сохранившие верность до гроба, в мире мертвых могли наскучить друг другу и расстаться. В мире живых развод тем более был явлением обычным. Уже упоминавшийся папирус из Лейденского музея сохранил обращение здравствующего чиновника к своей умершей жене. Египтянин ставит себе в особую заслугу тот факт, что не развелся с супругой, достигнув богатства и почестей:

Я взял тебя в жены еще юношей. Я был с тобой вместе. Позднее я получил все титулы, но я тебя не оставил. Я не огорчал твое сердце. Вот что я делал, когда был еще молод и исполнял все важные обязанности на службе фараона, да будет он жив, невредим и здоров, я тебя не покинул, а, наоборот, говорил: «Да будет это все вместе с тобой!»

---

¹¹ Пер. А. Ахматовой.

В брачных контрактах традиционно оговаривалось раздельное владение имуществом и делалась тщательная опись приданого жены, которое она сохраняла при разводе. Напомним, что, в случае развода по инициативе мужа женщина получала треть совместно нажитого добра. Контракты предусматривали и так называемый «брачный дар» мужа, который при разводе оставался у брошенной жены.

Если развод вступал в законную силу, половину брачного дара она могла сохранить, хотя свою долю совместно нажитого имущества при этом теряла.

Впрочем, египетские законы позволяли особо инициативным женам не только полностью прибрать к рукам все, что было приобретено за годы брака, но и добиться палочного наказания для мужа. Дело в том, что египетские мужья имели право бить своих жен, но если они при этом переходили определенные границы, жена могла подать на мужа в суд. При повторном избиении супруги неводержанный муж получал сто палочных ударов и терял не только жену, но и все совместно нажитое имущество.

Развод никак не влиял на репутацию женщины, и она могла повторно выйти замуж. Но могла и не выходить. В отличие от многих других древних обществ, в Египте женщины пользовались почти полным равноправием с мужчинами. Конечно, они не могли занимать большинство государственных и жреческих должностей, но перед законом оба пола были в основном равны. И если даже самые эмансипированные

римлянки, не говоря уже о гречанках, обычно находились под опекой отца или мужа и могли совершать крупные сделки только с их согласия, то египтянка вела свои дела сама. И в суде она свои интересы тоже представляла сама, выступая и как истец, и как ответчик, и как свидетель. Некоторые ограничения прав женщин (и то лишь замужних) были введены уже в эллинистическом Египте, в эпоху Птолемеев.

Царившая в Древнем Египте свобода разводов не удивительна. Ведь люди имели перед собой пример божественных супругов, которые не сохранили свой брак. Относится эта история ко временам весьма отдаленным. Разводились бог земли Геб и его сестра и супруга, богиня неба Нут. Небо в ту эпоху находилось значительно ближе к земле, супруги жили в непрестанном тесном объятии и имели множество детей (солнце и звезды), что не мешало им очень серьезно ссориться. Претензии Геба к жене были весьма основательны: она ежедневно проглатывала собственное потомство, а потом рождала заново. Это обеспечивало смену дня и ночи, но чадолюбивый Геб не мог примириться с такими методами воспитания. В конце концов мужу и жене пришлось расстаться. Развод был утвержден их отцом, богом воздуха Шу, который разделил небо и землю и сам стал преградой между бывшими супругами.

У ИСТОКОВ БРАЧНОЙ ЖИЗНИ (ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ)

Месопотамия

Многие верят, что брачная и сексуальная история человечества началась в междуречье Тигра и Евфрата. Ведь именно здесь, на равнине, ограниченной двумя великими реками, Армянским нагорьем и Персидским заливом, располагался, по мнению большинства богословов, земной рай. И именно здесь прародителям человечества еще до их грехопадения был дан завет: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...» Это были первые слова, которые Бог обратился к первым людям земли. Правда, у христиан вопрос о том, когда Адам впервые познал жену свою, Еву, – в раю или после изгнания из оно́го – остается дискуссионным (мы еще вернемся к нему в главе, посвященной христианству). Но даже если это случилось за пределами рая, маловероятно, чтобы пешие прародители человечества успели далеко отойти от райских врат, перед тем как стали исполнять божественную заповедь. Что же касается иудаизма, то в нем этот вопрос решается однозначно: согласно еврейской традиции, Адам и Ева не только вступили в брачный союз непосредственно

в раю, но и успели родить там старшего сына, Каина. В Пятикнижии дается немало запретов, прямых и косвенных, на различные виды сексуальных отношений, но все они были сформулированы позже. Что же касается жителей земного рая, то никаких запретов они, судя по всему, не получали и в простоте и невинности вступили в первый на свете брачный союз.

А позднее на этих же землях далекими потомками Адама и Евы были записаны первые в мире законы (по крайней мере первые дошедшие до наших дней), регулирующие взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Правда, вопрос о том, являлись ли древние законодатели, жившие в Междуречье на рубеже III и II тысячелетия до н. э., потомками Адама и Евы, можно считать в достаточной мере спорным. Ведь у шумеров – а именно они в основном населяли эти места – была на сей счет своя точка зрения. Впрочем, первые шумеры, как и первые иудеи или христиане, тоже были созданы из глины и тоже получили заповедь размножаться. Бог Энки, «владыка земли», слепил их в ответ на просьбу своей матери:

О мой сын, поднимись с ложа... мудрое сделай,
Сотвори богам слуг, да порождают себе подобных.

Кто бы ни дал руководящее указание, люди его выполнили и стали размножаться, а потом и регулировать этот процесс.

Первые брачные (и «внебрачные») законы Междуречья были записаны на глиняных табличках

Для кого-то браки совершаются на небесах, для кого-то – на грешной земле. Для жителей Древней Месопотамии браки совершались преимущественно в недрах бюрократической машины.

На берегах Тигра и Евфрата вообще любили учет и контроль. Все события – и прошлые, и грядущие – здесь считали запечатленными на специальных табличках, которые вел предназначенный для этого бог-писец Набу. Даже после смерти житель Междуречья попадал в лапы загробной бюрократии. Подземная богиня Белет-цери заводила на покойного «дело», записывая на глиняной табличке его имя и вынесенный ему приговор.

Естественно, что в земной жизни действовал тот же самый закон, четыре тысячелетия спустя блестяще сформулированный Коровьевым: нет документа, нет и человека. Или, во всяком случае, так: нет документа, нет и брака. И напротив, если есть брачный документ, то брак считается состоявшимся, даже если супруги никогда не видели друг друга.

До нас дошло несколько сводов законов, составленных жителями Древнего Междуречья. Старейший из них приписывается основателю Третьей династии Ура, царю Ур-Намму. Этот владыка на рубеже XXII–XXI веков до н. э., после

очередного периода раздробленности, объединил Месопотамию в Шумеро-Аккадское царство и создал для него единые законы. Возможно, к ним приложил руку и наследник царя, его сын Шульги. Так или иначе, под сенью этих законов шумеры и аккадцы существовали около ста лет, пока Междуречье вновь не распалось на отдельные государства.

Кодекс Ур-Намму сохранился не полностью – в пригодном для понимания виде до нас дошли только 27 законов. Около трети из них посвящены семейной жизни и сексу.

Если раб женится на рабыне (или наоборот) и затем становится свободным, он (она) не должен оставлять семью.

Если раб (или рабыня) женится на свободном человеке, то он (она) должен передать своего первенца своему хозяину.

Если мужчина нарушает права другого и лишает девственности жену молодого человека, то этот мужчина должен быть убит.

Если жена человека завлекла другого человека, и он спал с ней, он [муж] убьет эту женщину. В прелюбодеянии этот он [прелюбодей] будет свободен (от наказания).

Если человек злонамеренно лишит невинности девственную рабыню другого человека, этот человек должен уплатить пять сиклей серебра.

Если человек оставил свою жену, не бывшую прежде

замужем, он должен уплатить одну мину серебра¹².

Если он оставил (бывшую) вдову, он уплатит полмины серебра.

<...>

Если же он сожительствовал со вдовой без...
брачного контракта, он не должен платить ей ничего...

Для того чтобы понять, во сколько оценивали шумеро-аккадские законы слезы брошенных жен, отметим, что человек, отрезавший другому нос, приговаривался к уплате двух третей мины серебра. То есть отрезанный нос ценился выше слез оставленной вдовицы, но ниже, чем страдания жены, брошенной своим первым мужем.

К этому же времени – эпохе правления Ур-Намму и его сына Шульги – относится большая часть гигантского судебного архива, найденного в так называемом «Холме табличек» в городе Лагаш. Жители Месопотамии любили порядок, учет и контроль, даже браки у них заключались через суд: молодые в присутствии судей давали присягу о грядущем вступлении в семейную жизнь, здесь же заключался брачный контракт. Известен, например, такой документ: «На Шашунигин, дочери Уршехегины, пастуха волов, Урнанше, сын Башишараги, женился. Перед судьями надлежащую присягу во имя царя они принесли. Уригалима, сын Суму, был при этом судебным исполнителем. Лу-Шара, Ур-Сатарана и Лудингирра были судьями в этом деле. Год, когда

---

¹² Сикль – около 8,4 г; мина – 60 сиклей, около 0,5 кг.

Шу-Суэн [Сын Шульги], царь Ура, большую стелу для Эн-лиля и Нинлиль воздвиг».

Не вполне понятно, для чего мог понадобиться судебный исполнитель в деле, которое молодые обыкновенно исполняют сами... Во всяком случае, количество чиновников, необходимых для вступления в брак, говорит о том, что шумеры и аккадцы относились к этой процедуре очень серьезно. Для сравнения напомним, что в современной России даже казусные бракоразводные процессы обычно ведет один судья.

Тем не менее в Шумеро-Аккадском царстве разводы были делом обычным. Среди судебных документов, найденных в «Холме табличек», многие посвящены расторжению брака. Так, некий Лу-Уту, сын Нибабы, решил отослать от себя супругу, по имени Геме-Энлиль. Та согласилась расстаться полюбовно, если муж заплатит отступные: «Клянусь царем! Дай мне 10 сиклей серебра, и я не буду подавать на тебя жалобу». Доверчивый муж поверил и обманулся – брошенная жена обратилась в суд с требованием компенсации. Впрочем, судьи выслушали свидетелей и быстро установили истину: «Лу-Уту 10 сиклей серебра выплатил, о чем Дугеду и Унила, земледелец, присягу принесли...» Судебного постановления в документе нет, видимо, жалоба жены, хотевшей получить положенную законом компенсацию, осталась неудовлетворенной. Хотя и ложную клятву ей в вину не поставили. Впрочем, возможно, это послужило предметом другого судебного разбирательства.

Примерно в то же время состоялся еще один процесс: муж прогнал несостоявшуюся жену, которая отказалась исполнять свои супружеские обязанности. «Лу-Баба, сын Элалы, прогнал Нинмизи, дочь Лугальтиды, пастуха. В том, что Элаль сказал Лугальтиде: „Твоя дочь должна выйти замуж за моего сына“ – и что Нинмизи тем не менее в качестве его жены на его, Лу-Бабы, ложе не пришла, поклялся Лу-Баба. Ур-Баба был при этом судебным исполнителем. Энси [Наместник] был Урлама». Изгнанная жена в этом случае тоже ничего не получила, поскольку сама была виновата.

Причиной развода могло стать бесплодие жены, но тогда она забирала с собой приданое, кроме того, муж выплачивал ей денежную компенсацию, назначенную судом. Если же отец жены оговаривал в брачном контракте маловыполнимые условия развода, муж мог взять в дом вторую жену. Но этим же контрактом права соперницы могли быть существенно ограничены. Например, сохранился документ, в котором муж обещал первой супруге, что вторая жена, если таковая появится, «будет мыть ноги первой жене и будет носить ее стул в храм бога Мардука».

Вообще же, если развод по каким-то причинам осложнялся, у шумерских и аккадских мужей была редкостная возможность избавиться от надоевшей супруги: муж мог продать свою жену или на время передать ее кредиторам для отработки долга. Этой возможности он лишался только в том случае, если она категорически запрещалась брачным кон-

трактом.

Вскоре после падения Третьей династии Ура и распада Шумеро-Аккадского царства в XX веке до н. э., в царстве Ларсы и в царстве Эшнунны были записаны свои своды законов. Таблички с ними, хотя и далеко не в полном виде, дошли до наших дней.

Жители Ларсы пользовались завидной для тех времен свободой заключать браки по любви. Влюбленной паре достаточно было убежать от родителей (обязательно без их ведома) и согрешить. Потом покаянный жених должен был прийти к отцу и матери невесты и объявить о случившемся. После чего игралась свадьба. Или, во всяком случае, составлялся брачный контракт, что было важнее. Если же юноша умыкал девушку с ведома родителей, то он мог и не жениться, закон предусматривал и это. Похитителю достаточно было поклясться именем бога, что родители девушки знали о готовящемся грехопадении.

Отец и мать невесты в равной мере распоряжались судьбой дочери. То же самое правило действовало и в царстве Эшнунны, где жених должен был заключать «соглашение и письменный договор» с «ее отцом и ее матерью». Но равноправие полов было далеко не полным. Так, законы Ларсы гласили:

Если жена возненавидит своего мужа и скажет ему:
«ты не мой муж», то ее следует предать реке.

Если муж скажет своей жене: «ты не моя жена», то он должен отвесить 1/2 мины серебра.

В царстве Эшнунны похитителей чужих невест карали смертью, брачные соглашения заключали в письменном виде, а замужняя женщина, застигнутая с любовником, подлежала смертной казни:

Если человек принесет выкуп за дочь человека, но другой, не спросив ее отца и ее матери, похитит ее и принудит ее к сожителству, то это – дело о жизни, и он должен умереть.

Если человек возьмет в жены дочь человека, не спросив ее отца и ее матери, а также не заключит с ее отцом и ее матерью соглашения и письменного договора, то даже если она проживет в его доме с год времени, она не жена.

Если же напротив, он заключит с ее отцом и ее матерью соглашение и письменный договор и затем возьмет ее в жены, то она – жена; когда ее захватят в лоне человека¹³, она должна умереть, не должна остаться в живых.

К мужьям-изменникам законы Эшнунны были не столь суровы, хотя и не потворствовали им. Человек, бросивший мать своих детей ради другой женщины, «должен быть изгнан из дома и от всего, что бы ни было», а имущество его переходит к оставленной супруге. Если же муж исчез из дома

---

¹³ То есть она изменит мужу.

не потому, что увлекся другой женщиной, а потому, что был в военном походе или плену, то его права на жену сохранялись, даже если она вторично вышла замуж в его отсутствие:

Если человек пропадет в походе во время набега или поражения, или же будет захвачен в добычу и, пока он живет в чужой стране, другой возьмет в жены его жену и она родит ребенка, то когда он вернется, он может забрать свою жену.

Оговаривалась в законе не только супружеская измена, но и измена родине, которая каралась, как это ни странно, потерей жены (что с точки зрения авторов настоящей книги далеко не всегда можно считать наказанием):

Если человек возненавидит свою общину и царя и бежит, и другой возьмет в жены его жену, то когда он вернется, он не может предъявлять иска по поводу своей жены.

Примерно столетием позже в царстве Исин, в центре Южного Двуречья, тоже были занесены на таблички законы о браке. Они предусматривали двоеженство. Так, если человек «отвращал свое лицо от супруги», а таковое «отвращение» брачным договором предусмотрено не было, жена могла отказаться покинуть дом мужа. В этом случае привередливый муж имел право взять еще одну жену. Но новобрачным надлежало помнить, что «другая его жена, которую он взял за себя как любимую жену – вторая жена». А первая супруга оставалась первой, и муж обязан был содержать ее

до конца дней.

Законы Исына регулировали даже взаимоотношения мужей с блудницами.

Если человеку его жена не родила детей, а блудница с улицы родила ему детей, то он должен давать этой блуднице содержание хлебом, маслом и одеждой. Дети, которых родила ему блудница, – его наследники, но пока его жена жива, блудница не должна жить в доме вместе с супругой.

Если юноша, имеющий жену, возьмет за себя блудницу с улицы, и судьи скажут ему, чтобы он не возвращался к этой блуднице, но затем он покинет свою супругу, то разводную плату он должен отвесить вдвое.

В середине XVIII века до н. э. царь Вавилона Хаммурапи вновь объединил страны Междуречья и издал общие для государства законы. Эти законы он приказал выбить на столбе из черного базальта. Столб сохранился до наших дней. Начинается текст, конечно, прославлением самого Хаммурапи:

Я царь, превосходящий прочих царей, мои слова отменны, моя мудрость не имеет себе равных. По велению Шамаша, великого судьи небес и земли, да воссияет в стране моя справедливость; по слову Мардука, моего владыки, пусть мои указы не имеют нарушителя. В Эсагиле, храме, который я люблю, пусть мое имя вечно поминается во благо!

Прославлением самого себя – «дракона среди царей», «ярого буйвола, бодающего врагов», «любимца богини

Иштар» – текст и заканчивается. Но между этими славословиями на столбе выбито огромное количество законов, охватывающих все мыслимые и немыслимые ситуации. Определяется, какую кару должен нести человек, нанявший вола и отрезавший ему хвост... Как определить виновного, «если человек нанял вола, и бог его поразил, и он издох»... Что делать, «если судно, идущее против течения, ударило судно, идущее по течению, и потопило его»... Какую ответственность несет строитель, если он «построил человеку дом и работу свою не укрепил, и стена обрушилась»...

Всего законы Хаммурапи насчитывают 282 статьи, из них более 70 посвящено семейному законодательству. Во многом эти законы повторяют те, которые существовали в Междуречье раньше. Точно так же сожителство без брачного договора супружеством не считается: «Если человек взял жену и не заключил с ней договора, то эта женщина – не жена». А девушка, «которая еще не познала мужчину и которая еще проживала в доме своего отца», считается женой, если брачный контракт подписан.

Вавилонские мужья ценили своих жен. И неудивительно, ведь им дважды приходилось платить за них. При обручении жених платил родителям невесты так называемый «библум» – задаток. Если юноша потом отказывался жениться, библум оставался в семье невесты. Если же от договора отказывалась семья невесты, библум возвращался жениху в двойном размере. Ну а если дело все-таки доходило до

свадьбы, жених должен был внести вторую часть выкупа, которая называлась «терхатум».

Несмотря на то что мужчина как бы «покупал» жену, женщины Вавилона времен Хаммурапи имели право голоса при выборе мужа. Во всяком случае, касательно разведенных жен такая оговорка законом делается: «...а затем ее может взять в жены муж, который ей по сердцу». Аналогично и про потерявших невинность невест сказано: «затем муж, который ей понравился, может взять ее замуж...» Надо полагать, что невесты, сохранившие невинность, пользовались не меньшими правами, иначе закон вводил бы юных вавилонянок в соблазн.

Многоженство законами Хаммурапи не одобрялось. Муж бездетной жены мог завести наложницу «и ввести ее в свой дом», но «эта наложница не должна равняться с бесплодной женой». Впрочем, ревнивая жена, даже будучи бесплодной, могла уберечь свой дом от вторжения наложницы. Для этого достаточно было выбрать рабыню (например, самую уродливую, от греха подальше) и вручить ее своему мужу для продолжения рода. После этого муж был не вправе даже думать ни о каких наложницах. А рабыню, если та «стала равнять себя со своей госпожой», законная жена всегда могла поставить на место. Правда, продать ее после того, как она родила хозяину сына, было нельзя. Но ревнивая супруга была вправе «наложить на нее рабский знак и причислить ее к рабыням». Если же она «сыновей не родила, ее госпожа может

продать ее за серебро».

Так что в вопросе о наложницах закон держал сторону жены. И только в одном случае – если жена заболела проказой – мужу разрешалось вводить в дом вторую жену. Первая жена могла в этом случае остаться в его доме или же забрать приданое и возвратиться в дом отца.

Регулировались законом и повторные браки вдов, имеющих маленьких детей:

Если вдова, сыновья которой еще малы, захочет вступить в дом второго мужа, то без ведома судей она не должна вступить. Когда она будет вступать в дом второго мужа, судьи должны рассмотреть дела дома ее прежнего мужа, и дом ее прежнего мужа они должны передать следующему мужу и этой женщине, а также заставить их изготовить документ. Пусть они берут дом и растят малышей. Продавать утварь за серебро они не могут. Покупатель, который покупает утварь сыновей вдовы, теряет свое серебро и обязан вернуть имущество его хозяину.

Разводы «дракон среди царей» не слишком одобрял, но особых препятствий не чинил:

Если человек захочет оставить свою супругу, которая не родила ему детей, то он должен дать серебро, равное ее выкупу, а также восстановить ей приданое, которое она принесла из дома своего отца, а затем он сможет ее оставить... Если выкупа не было, то он должен дать ей одну мину серебра за оставление.

Что делать, если человек захочет оставить супругу, которая родила ему детей, Хаммурапи не сообщает. На этот счет в законе упомянуты только неполноправные вторые жены и жены из категории жриц. Такой супруге легкомысленный муж должен был не только вернуть приданое, но и отдать «половину поля, сада и имущества», она, наравне с детьми, становилась его наследницей, но при этом могла выйти замуж за человека, «который ей понравился».

Дешевле всего обходился развод вавилонянину, жена которого отличалась вздорным характером.

Если жена человека, которая проживает в доме человека, захочет уйти и начнет вздорничать, разорвать свой дом и унижать своего мужа, то ее должны уличить, и, если ее муж сказал: «Я ее оставляю», – он может ее оставить и ничего ей не дать с собой за оставление ее. Если ее муж сказал: «Я ее не оставляю», то ее муж может взять в жены другую женщину, а эта женщина должна жить в доме своего мужа как рабыня.

Если же виновной стороной оказывался муж, то он никакой кары не нес. Максимум, на что могла рассчитывать жена гулящего и скандального мужа, – это развод. Закон Хаммурапи гласит:

Если женщина возненавидела своего мужа и сказала: «Не бери меня», то дело ее должно быть рассмотрено в ее квартале, и, если она блюла себя и греха не совершила, а ее муж гулял и очень ее унижал, то

эта женщина не имеет вины: она может забрать свое приданое и уйти в дом своего отца... Если она не блюла себя, была гулящей, дом свой разоряла и унижала своего мужа, эту женщину должны бросить в воду.

В воду надлежало бросить и женщину, которая повторно вышла замуж, пока ее муж находился в плену. Исключение делалось лишь для тех жен, которые не могли обеспечить себя пропитанием. Но и им, после возвращения первого мужа, надлежало вернуться обратно. И лишь жены изменников родины, как и в царстве Эшнунны, могли наслаждаться повторным супружеством:

Если человек бросил свое поселение и убежал и после него его жена вступила в дом другого, то если этот человек вернулся и захотел взять свою жену, то так как он презрел свое поселение и убежал, жена беглеца не должна вернуться к своему мужу.

Регулировались законами Хаммурапи и внебрачные отношения, в которые могли вступать подданные «заботливого князя, просветлившего лик богини Иштар». Причем, несмотря на то что богиня Иштар сама по себе отнюдь не была скромницей, олицетворяла плотскую любовь и покровительствовала, кроме всего прочего, проституции и гомосексуальным отношениям, Хаммурапи, «деяния которого нравятся богине Иштар», был поборником нравственности.

Его законы хранили честь мужей и позволяли им расправляться с неверными женами и их соблазнителями:

Если жена человека была схвачена лежащей с другим мужчиной, то их должно связать и бросить в воду...

Но при этом женщина, с точки зрения вавилонян, была существом настолько бесправным и подчиненным мужу, что даже покарать ее закон не мог без согласия супруга. Изменница попадала под амнистию, «если хозяин жены пощадит свою жену». В этом случае автоматически освобождался от ответственности и осквернитель чужого супружеского ложа.

Впрочем, честь женщины закон тоже защищал. Если муж бездоказательно обвинял свою жену в измене, ей достаточно было «произнести клятву богом», после чего всякие подозрения с нее снимались. Хуже оказывалась судьба тех, кого обвиняли посторонние люди: им надлежало пройти испытание водой. Женщину бросали в реку – если она выплывала, значит, была невиновна, если тонула – туда и дорога преступной жене. Такую разницу в судопроизводстве в зависимости от того, кто выдвинул обвинение, современные комментаторы объясняют очень просто. Муж в порыве ревности может обвинить свою жену без веских оснований, и если бросать в реку всех жен, имеющих ревнивых мужей, страна может обезлюдеть. Что же касается посторонних людей, то к их обвинениям стоит прислушаться.

Еще несколько законов были направлены против кровосмешения и внутрисемейных связей:

Если человек познал свою дочь, то его должны изгнать из его общины.

Если человек выбрал своему сыну невесту и его сын познал ее, а затем он сам возлежал на ее лоне и его схватили, то этого человека должны связать и бросить его в воду.

Если человек выбрал своему сыну невесту и его сын еще не познал ее, а он сам возлежал на ее лоне, то он должен отвесить ей 1/2 мины серебра и возместить все, что она принесла из дома своего отца, а затем ее может взять в жены муж, который ей по сердцу.

Интересно, что в этих случаях женщина вообще не несла уголовной ответственности, а согрешившая невеста даже могла благополучно выйти замуж, хотя, казалось бы, если уж закон преследует жен-изменниц, то женщина, изменившая с собственным свекром, виновна вдвойне. Да и дочь, согрешившая со своим отцом, представляется современному человеку существом не слишком высоконравственным. Но у шумерских законотворцев была иная, не лишенная логики точка зрения на этот вопрос. Заведя роман на стороне, женщина нарушала свой долг перед родичами. А отдаваясь отцу или свекру, она, напротив, исполняла долг послушания перед старшим мужчиной в семье. Женское дело – не рассуждать о законах, а слушаться мужчин: отца, свекра и мужа.

Связь сына с матерью каралась особенно строго, причем оба нарушителя отвечали в равной мере. Это могло быть вызвано как тем, что мать не была подчинена своему сыну, так и тем, что эта связь нарушала мировую гармонию и могла быть чревата самыми серьезными сакральными последстви-

ями. Поэтому законодатель был суров: «Если человек возлежал на лоне своей матери после смерти отца, то их обоих должно сжечь». Связь с мачехой каралась мягче, поскольку кровосмешением в прямом смысле не являлась, а значит, и сакральных последствий не вызывала: «Если человек после смерти своего отца был схвачен на лоне своей мачехи, родившей детей, то этот человек должен быть изгнан из дома отца». Интересно, что изнасилование женщины упомянуто в законах Хаммурапи только один раз: «Если человек насильно овладел женою другого человека, которая еще не познала мужчину и которая еще проживала в доме своего отца, и возлежал на ее лоне и его схватили, то этот человек должен быть убит, а женщина должна быть оправдана».

По-видимому, если девица еще не была просватана, то насильника попросту заставляли жениться на ней (хотя закон об этом и умалчивает). А вот как поступать с насильником, покусившимся на жену, которая уже познала мужчину, из кодекса не понятно.

Примерно через 500 лет после Хаммурапи в Ассирийском царстве, возникшем вокруг города Ашшур в северном Двуречье, были изданы законы, вошедшие в историю как «среднеассирийские». Видимо, за прошедшие после Хаммурапи столетия нравственные требования в Месопотамии ужесточились. Новые законодатели ввели ответственность даже за поцелуй: «Если человек поднял руку на замужнюю женщину

и ее потискал и его в этом обвинили и уличили, ему должно отрезать палец. А если он поцеловал ее, нужно притянуть его нижнюю губу к лезвию топора и отрезать ее».

За изнасилование замужней женщины традиционно полагалась смертная казнь:

Если замужняя женщина шла по улице и мужчина схватил ее и сказал ей: «Познаю-ка я тебя!» – то если она не согласилась, оборонялась, но он взял ее силой и познал ее и его застигли на замужней женщине, либо же свидетели уличили его в том, что он познал эту женщину (насильно), – то его должно убить, а женщине наказания нет.

Впрочем, существовала ситуация, когда закон прямо предписывал мужчине изнасиловать чужую жену. Так надлежало поступить отцу изнасилованной дочери с женой обидчика.

Если человек дочь человека, которая живет в доме своего отца и которую еще не сватали у отца, которую не лишили невинности, не взяли замуж и по поводу которой истец не предъявлял требований к роду ее отца, – если человек, будь то в поселении либо вне его, будь то ночью на улице, будь то в амбаре, будь то во время праздника в поселении, силой принудил девушку и обесчестил ее, отец девушки может взять жену человека, обесчестившего девушку, и предать ее бесчестию. Он не обязан возвращать ее мужу, может ее забрать. Отец может отдать в жены свою

обесчещенную дочь обесчестившему ее. Если жены у него нет, обесчестивший должен уплатить тройне серебро – цену девушки; обесчестивший ее должен взять ее в жены и не может ее отвергнуть. Если отец не желает, он может получить тройне серебро – цену девушки и отдать ее, кому пожелает.

Интересно, что изнасилованию подлежала не только действительная жена излишне похотливого мужа, но и его девственная невеста в том случае, если брачные формальности уже были совершены. Ведь жители Междуречья издревле считали, что браки совершаются не на небесах и даже не в постелях, а в недрах бюрократической машины. Заключение брака сопровождалось подписанием договора и передачей подарков, после чего он считался свершенным; жили супруги вместе или нет – не имело значения:

Если женщина еще живет в доме своего отца и если подарки ей уже даны, то, принята ли она в дом своего свекра или не принята, она должна отвечать за долги, прегрешения и преступления своего мужа.

Таким образом, «первую брачную ночь» женщина могла провести с посторонним мужчиной по решению суда и под надзором членов суда и жреца – их обязательное присутствие при любых наказаниях женщин оговорено в законе. Что же касается самого насильника чужих дочерей, кара для него не отличалась особой строгостью: ведь он мог таким образом, не нарушая буквы закона, обменять старую жену

на новую, не понеся никакого дополнительного наказания. Впрочем, для того, чтобы отослать надоевшую жену, ассирийцу не обязательно было насилловать юных девушек – это можно было сделать и просто так. Муж был вправе без всякой причины отвергнуть свою жену и выгнать ее из дома буквально в чем была. Один из параграфов закона гласит:

Если человек отвергает свою жену, то, если он пожелает, он может дать ей что-нибудь; если не пожелает, может не давать ей ничего, она уйдет ни с чем.

Если же человек, изнасиловавший чужую дочь, не желал расставаться с собственной женой, ему было достаточно поклясться в том, что грехопадение совершилось по обоюдному согласию:

Если девушка по своей воле отдалась человеку, человек должен в том поклясться и не должно трогать его жену. Обесчестивший девушку должен уплатить втройне серебро – цену девушки, а ее отец может поступить со своей дочерью как ему угодно.

Что касается полюбовных связей с замужней женщиной, они карались гораздо строже, причем «среднеассирийские» законы рассматривали самые разнообразные варианты таковых. Впрочем, в постель к нарушителям судьи не заглядывали и способ грехопадения их не интересовал. Но зато они отдельно рассматривали измену с предварительным умыслом и измену без такового. Выделялся случай, когда преступная жена заигрывала с посторонним мужчиной, но самому гре-

хопадению противилась, хотя и безрезультатно. Различались казусы, при которых изменница сообщала соблазнителю, что она замужем, или же выдавала себя за незамужнюю, «сама пошла к мужчине туда, где он живет» или же встретилась с ним на улице...

Но наказание при этом варьируется только для мужчины. Что же касается женщины, то, согрешила ли она с умыслом, без такового или еще как-нибудь – как правило, «муж может покарать свою жену, как ему угодно». Впрочем, чтобы мужу было легче выбрать вид казни, законодатели подсказывают ему два варианта, которые, видимо, считались в Ашшуре самыми удачными: предлагалось либо убить грешную жену, либо отрезать ей нос. Кроме того, отдельная статья закона провозглашала:

Сверх наказаний для жены человека, записанных в табличке, человек может бить свою жену, таскать за волосы, повреждать и прокалывать ее уши. Вины в том нет.

При этом жена, несмотря на такое обращение, не только не могла требовать развода, но даже отлучиться из дома без ведома мужа права не имела:

Если замужняя женщина самовольно ушла от своего мужа и вошла в дом ашшурца в том же поселении, либо в другом, где ей предоставили жилье, поселилась с хозяйкой дома и переночевала там три-четыре раза, но хозяин дома не знал, что в его доме живет замужняя

женщина, то после того, как она была обнаружена, хозяин дома, чья жена самовольно его покинула, может ее изрезать и не забирать обратно к себе. Замужней же женщине, у которой жила его жена, должно отрезать уши.

К беглым мужьям ассирийцы относились значительно терпимее. Женщина должна была ждать своего мужа пять лет, если он «удалился и не оставил ей ни масла, ни шерсти, ни одежды, ни пищи, ни чего бы то ни было, и она не получает никакой пищи». Как прожить пять лет, не получая «никакой пищи», закон не разъясняет. Но лишь по истечении этого срока изголодавшаяся жена «может уйти жить с мужем, который ей угоден». Однако даже эта возможность допускалась, только если у женщины не было сыновей и если муж отсутствовал самовольно: «А если это царь послал его в другую страну, и он задержался сверх пяти лет, его жена должна его ждать, она не может жить с другим мужем».

«Среднеассирийские» законы не обошли своим вниманием и гомосексуальные связи. Активное мужеложство каралось самым решительным образом:

Если человек познал равного себе и его клятвенно обвинили и уличили, должно познать его самого и оскопить его.

Правда, остается лишь гадать, кто должен был приводить приговор в исполнение: «потерпевший», палач или специально назначенный судебный исполнитель. Неясно и дру-

гое: что делать с человеком, «познавшим» вышестоящего или нижестоящего. Второй участник акта, судя по всему, избегал наказания. Современные комментаторы считают, что пассивный гомосексуальный контакт тоже карался, но лишь в том случае, если «преступник» вступал в такую связь достаточно регулярно – так, что про него можно было обобщенно сказать: «Тебя имеют». Во всяком случае, предполагалось, что человека могли в этом обвинить. Один из параграфов гласит:

Если человек тайно оклеветал равного себе, сказав: «Его имеют», или во время ссоры публично сказал ему: «Тебя имеют», и еще так: «Я сам клятвенно обвиню тебя», но не обвинил и не уличил, должно дать этому человеку 50 палочных ударов, он будет в течение месяца выполнять царскую работу, должно его заклеить, и он должен уплатить 1 талант олова.

Но поскольку в законах нет ни слова о том, как должно покарать человека, если его действительно «имеют», то трактовка, высказанная современными комментаторами, представляется несколько вольной. Быть может, клеветник подвергался столь суровому наказанию вовсе не потому, что хотел подвести человека «под статью», а потому, что его высказывание было оскорбительно для потерпевшего? Ведь и впрямь множество людей по сей день считают, что трудно нанести человеку большее оскорбление и что 50 палочных ударов вкупе с месяцем принудительных работ – не слишком

много за такую обиду...

Интересно, что такая же точно обида, нанесенная женщине, каралась чуть-чуть мягче: вместо 50 ударов оскорбитель получал 40. «Если человек сказал равному себе, будь то по секрету, будь то публично во время ссоры: „Твою жену все имеют“, и еще: „Я сам клятвенно обвиню ее“, но не обвинил и не уличил, должно дать этому человеку 40 палочных ударов; он будет в течение месяца выполнять царскую работу; его должно заклеить и он должен уплатить один талант олова».

В середине V века до н. э. в Вавилоне побывал знаменитый греческий путешественник Геродот, которого называют «отцом Истории». Он описал брачный обычай современных ему вавилонян. Сегодня этот обычай кажется нам настолько диким, что в него трудно даже поверить, и некоторые историки сомневаются в его достоверности. Однако Геродот этим обычаем восхищается, назвав его «самым благоразумным». Наверное, представления о благоразумии сильно менялись со временем... Но предоставим слово Геродоту:

Раз в году в каждом селении обычно делали так: созывали всех девушек, достигших брачного возраста, и собирали в одном месте. Их обступали толпы юношей, а глашатай заставлял каждую девушку поодиночке вставать, и начиналась продажа невест. Сначала выставляли на продажу самую красивую девушку из

всех. Затем, когда ее продавали за большие деньги, глашатай вызывал другую, следующую после нее по красоте (девушки же продавались в замужество). Очень богатые вавилонские женихи наперебой старались набавлять цену и покупали наиболее красивых девушек. Женихи же из простонародья, которые вовсе не ценили красоту, брали и некрасивых девиц, и в придачу деньги. После распродажи самых красивых девушек глашатай велел встать самой безобразной девушке или калек и предлагал взять ее в жены за наименьшую сумму денег, пока ее кто-нибудь не брал с наименьшим приданым. Деньги же выручались от продажи красивых девушек, и таким образом красавицы выдавали замуж дурнушек и калек. Выдать же замуж свою дочь за кого хочешь не позволялось, а также нельзя было купленную девушку уводить домой без поручителя. И только если поручитель установит, что купивший девушку действительно желает жить с нею, ее можно было уводить домой. Если же кто не сходилась со своей девушкой, то по закону требовалось возвращать деньги. Впрочем, женихам можно было являться и из других селений и покупать себе девушек. Этот прекраснейший обычай теперь у них уже не существует.

Таким образом, если верить Геродоту, вавилонские женщины превратились в рабынь. Причем рабыню можно хоть продать в хорошие руки или же отказать неподходящему покупателю. А судьбами бедных вавилонянок были не вольны распоряжаться даже их собственные родители... После это-

го уже не удивляешься, прочитав у того же Геродота еще про один вавилонский обычай, тоже связанный с торговлей женщинами.

Самый же позорный обычай у вавилонян вот какой. Каждая вавилонянка однажды в жизни должна садиться в святилище Афродиты и отдаваться [за деньги] чужестранцу. Многие женщины, гордясь своим богатством, считают недостойным смешиваться с [толпой] остальных женщин. Они приезжают в закрытых повозках в сопровождении множества слуг и останавливаются около святилища. Большинство же женщин поступает вот как: в священном участке Афродиты сидит множество женщин с повязками из веревочных жгутов на голове. Одни из них приходят, другие уходят. Прямые проходы разделяют по всем направлениям толпу ожидающих женщин. По этим-то проходам ходят чужеземцы и выбирают себе женщин. Сидящая здесь женщина не может возвратиться домой, пока какой-нибудь чужестранец не бросит ей в подол деньги и не соединится с ней за пределами священного участка. Бросив женщине деньги, он должен только сказать: «Призываю тебя на служение богине Милитте!» Милиттой же ассирийцы называют Афродиту. Плата может быть сколь угодно малой. Отказываться брать деньги женщине не дозволено, так как деньги эти священные. Девушка должна идти без отказа за первым человеком, кто бросил ей деньги. После соития, исполнив священный долг

богине, она уходит домой, и затем уже ни за какие деньги не овладеешь ею вторично. Красавицы и статные девушки скоро уходят домой, а безобразным приходится долго ждать, пока они смогут выполнить обычай. И действительно, иные должны оставаться в святилище даже по три-четыре года. Подобный этому обычай существует также в некоторых местах на Кипре.

Почему первый обычай представляется Геродоту «самым благоразумным», а второй – «самым позорным», мы уже никогда не узнаем. Но известно, что сами вавилоняне не видели в ритуальной проституции ничего постыдного. Дело в том, что, отдаваясь чужеземцам в храмовой роще, вавилонянки вступали отнюдь не в случайную связь, а в ритуальный брак с божеством. А что оно приняло облик заезжего купца, так на то воля божья. На вершине храма Бела (или Мардука) для одного из воплощений бога специально стояло золотое ложе, где Мардук, воплотившийся в царя Вавилона, вступал в ритуальный брак со жрицей Иштар. Позднее, когда Вавилон был завоеван персами и должность царя упразднили, бог стал вселяться в своего верховного жреца.

Правда, кое-что Геродот, возможно, перепутал. Сегодня историки утверждают, что правом насладиться любовью бога в облике иностранца пользовались не все вавилонянки, а только девушки-жрицы из наиболее знатных семей. Впрочем, девушки попроще тоже могли отдаваться иностранцам за деньги – проституция в Вавилоне была очень распростра-

нена и не слишком осуждалась. Деньги девушки забирали себе, но зато и похвастаться браком с божеством им было не дано.

Римский географ Страбон, живший на рубеже эр, подтверждает слова Геродота о продаже вавилонских невест с аукциона. Он пишет:

Своеобразным у них является обычай ставить во главе каждого племени трех мудрых людей, которые выводят на народ девушек, достигших брачного возраста, и продают их с торгов женихам, причем всегда в первую очередь девушек более знатных. Таким образом там заключаются браки. После полового общения муж и жена всякий раз встают и каждый отдельно выходит, чтобы воскурить фимиам. Утром, прежде чем коснуться какого-нибудь сосуда, они обмываются...

Страбон сообщает, что для выдачи девушек замуж и для рассмотрения жалоб о прелюбодеянии у вавилонян существует специальное судебное учреждение, одно из трех высших судебных учреждений государства.

Интересно, что Геродот наиболее ценными называет красивых невест, а Страбон – знатных. Впрочем, между этими двумя авторами лежат шесть веков...

Несмотря на то что невесты Вавилона были низведены до положения живого товара, были в государстве девушки, ко-

торые сами решали свою судьбу. Такая свобода позволялась жрицам Милитты – богини любви. Святилище Милитты было расположено на небольшом острове между Тигром, Евфратом и двумя каналами. С этим святилищем связано древнее предание.

В незапамятные времена здесь, на берегах безымянных еще рек, жила жрица богини, имевшая троих детей: двоих сыновей и дочь Месопотамию. Дочь была от рождения безобразна. Обычай выдавать замуж уродок, обеспечив их приданым, полученным от продажи красавиц, еще не существовало, и девушке предстояло остаться старой девой. Утешением матери служили сыновья. Но один из них, по имени Евфрат, поранил ногу о шип ядовитого куста и, не в силах терпеть боль, утопился в реке, которая с тех пор носит его имя. Второй брат Тигр не выдержал разлуки и утопился вслед за первым. Тогда мать обратилась к богине с просьбой помочь ей хотя бы с дочерью. Милитта услышала мольбу матери, провела ладонью по лицу девушки, и та стала красавицей. К ней пришли свататься лучшие женихи Вавилона. Лукавая красотка не дала им ответа, но одному из них она предложила испить из своей чаши, на второго надела венок из роз, а третьего поцеловала. Каждый жених считал, что выбор сделан в его пользу. Законопослушные юноши отправились в суд, и судья отдал девушку тому из женихов, которого Месопотамия поцеловала. Отвергнутые женихи оказались все же недостаточно законопослушными и учинили поеди-

нок, в результате которого погибли все трое.

Печальная судьба Месопотамии, лишившейся трех женихов сразу, ничему не научила жителей Вавилона. И с тех пор они учредили такой обычай: жрицей Милитты избирается самая красивая девушка страны. Когда ей наступает пора выбрать мужа, она одного из женихов угощает вином, на другого надевает венок, а своего избранника целует в губы.

Впрочем, как и во времена Месопотамии, недовольные женихи могли отправиться в суд, а если приговор судьи их не удовлетворял, решали дело поединком. И все же хоть какая-то иллюзия свободного выбора у жрицы была.

Хетты

Примерно через три-четыре века после того, как Хаммурапи выбил свои законы на базальтовом столбе, хетты – народ, живший в Малой Азии, – тоже издали свод законов. Дошедшие до нас копии сохранились на глиняных табличках в царском архиве в Хаттусе, столице хеттской державы. В отличие от жителей Междуречья, законодатели из Хаттусы не ограничились традиционным брачно-семейным кодексом и строжайше регламентировали сексуальную жизнь своих подданных. Они предусмотрели самые невероятные варианты грехопадений, которые хетты могли совершать со своими согражданами, родственниками и домашними животными. И даже возраст половой зрелости скота в законе оговорен: «...бык, баран, козел могут быть производителями в 3 года».

Впрочем, брачные законы хеттов во многом напоминают шумерские и старовавилонские. Точно так же жених задолго до свадьбы должен был уплачивать родителям невесты выкуп – своего рода залог серьезности своих намерений. Если жених потом откажется от невесты, выкуп остается ее родителям в качестве компенсации. Если же от брака откажутся родители невесты, выкуп надо вернуть в двойном размере. Ну а если девушку «уведет другой», то этот другой и должен платить неустойку неудачливому жениху.

Видимо, у хеттов случалось, что оскорбленный жених с друзьями пускался в погоню за похитителем невесты. Такое самоуправство не наказывалось, но и не одобрялось. В этом случае закон дипломатично отказывался от вмешательства: «...Если при погоне умрут 2 или 3 человека, возмещения не должно быть: „Ты-де стал волком“». То есть и похититель, и жених, попытавшись решить вопрос силой, «стали волками» и никаких законных претензий предъявлять не могут, что бы ни случилось.

Судьбу вдов закон обеспечивал на много лет и браков вперед. После смерти мужа женщина автоматически переходила к его брату. Если же и брат умирал, жена доставалась отцу обоих братьев. В этом случае закон позволял многоженство. Дотошные хетты предусмотрели даже ситуацию, когда женщина вдовела третий раз. Она опять доставалась кому-то из ближайших родственников, но кому именно, мы не знаем: текст закона неясен.

Есть в хеттских табличках и еще один весьма неясный пункт, вызывающий недоумение ученых: «Если раб отдаст выкуп за свободного юношу и захочет взять его в мужья, то никто его не обязан выдать». Некоторые историки деликатно считают, что раб берет юношу в мужья своей дочери. Но тогда почему за него надо платить? Традиционно (и хетты – не исключение) выкуп платят за невесту! Более раскрепощенные комментаторы утверждают, что речь идет о гомосексуальном браке, благо гомосексуальные связи как тако-

вые хеттскими законами не возбранялись. Если это так, то древние хетты своей толерантностью на три с половиной тысячи лет опередили самых раскованных европейских законодателей. Но тогда почему правом взять себе в мужа свободного юношу пользуются только рабы? Может быть, хеттские законодатели следили за нравственностью свободных людей, а рабами пренебрегали? Но как же быть со свободным юношей, которого раб приобретал для своих услад? Ответа нет!

Рабыни, блудницы и вдовы, в отличие от замужних женщин, пользовались у хеттов правом вступать во внебрачные связи. Кроме того, рабыни (как, впрочем, и рабы) пользовались завидным правом не только вступать в брак по любви, но и расходиться с надоевшим супругом:

Если свободный мужчина и рабыня полюбовно сойдутся и он возьмет ее в жены и они заведут себе дом и детей, а затем они поссорятся и согласятся разойтись, то они должны поделить между собой дом пополам; мужчина может взять детей, а женщина может взять 1 сына.

Если раб возьмет себе в жены свободную женщину, то их судебное дело такое же.

Если раб возьмет себе в жены рабыню, то их судебное дело такое же.

Расторжение брака, заключенного между свободными людьми, законодательство хеттов не предусматривало – по крайней мере, информация об этом не сохранилась.

Положение женщины у хеттов было достаточно бесправным. Например, побои, нанесенные свободной беременной женщине и приведшие к выкидышу, карались штрафом: полусикль серебра (цена одной овцы) за месяц беременности. А выкидыш, причиненный жеребой кобыле, карался двумя полусиклями. Если же кто-нибудь «покалечит ухо свободному человеку», то он должен заплатить двенадцать полусиклей – значительно больше максимального штрафа за побои и выкидыш свободной женщины. Правда, в XIII веке до н. э. штраф за побои беременной женщины увеличился до 20 полусиклей.

Замужняя женщина, изменившая мужу, подлежала его суду. «Если мужчина схватит женщину в горах, то вина на мужчине и он должен умереть; если он схватит ее в самом доме, то провинилась женщина и женщина должна умереть; если муж их найдет, то может их убить, его преступления не будет».

Впрочем, даже у распутницы, принимавшей любовника у себя в доме, оставались немалые шансы отделаться легким испугом. Особо гуманный муж мог привести и жену, и соблазнителя к воротам царского дворца и объявить: «Пусть моя жена не умрет!» – в таком случае автоматически дарилась жизнь и соблазнителю. Но даже если обманутый супруг жаждал крови, последнее слово оставалось за царем: «...тогда они получают наказание: либо царь убьет их, либо царь оставит его в живых». Непонятно, почему царь оставляет

в живых именно «его»; возможно, это просто ошибка переписчика...

К романам с незамужними женщинами хетты относились достаточно лояльно. И даже связь родственников с одной и той же женщиной не считалась кровосмешением. Отцу и сыну позволялось спать с одной рабыней или блудницей: «...если отец и сын его лягут с рабыней или с блудницей, то это не преступление». Дозволялись даже связи с собственной овдовевшей мачехой или с вдовой брата. Впрочем, напомним, что на вдове брата законопослушный хетт в некоторых случаях попросту должен был жениться. Но при живых родственниках спать с их женами было нельзя: «Если человек провинится с мачехой, то это не преступление, если же отец его жив, то должно быть наказание; если мужчина ляжет с женой своего брата, а брат его жив, то должно быть наказание».

Кроме того, хеттским мужчинам категорически запрещалось вступать в связи со своими матерями, тещами, свояченицами, падчерицами, дочерьми и сыновьями. Кстати, сыновья упомянуты в общем списке без всяких особых оговорок, как будто для мужчины вступить в половую связь с собственным сыном столь же естественно (хотя и столь же незаконно), как с сестрой жены.

Впрочем, это далеко не самое экзотическое преступление против нравственности, упомянутое дотошными законодателями Хатуссы. Так, хеттам под страхом смертной каз-

ни было запрещено вступать в половую связь с быками (по крайней мере, выступать в активной роли):

Если человек провинится с быком, то в наказание он должен умереть; его должно привести к воротам царя, и либо царь убьет его, либо царь оставит его в живых, но он не должен приближаться к царю.

Но для особых любителей быков в законе была оставлена лазейка:

Если бык вскочит на человека, то бык должен умереть, а человек не должен умереть; в замену человеку должна быть пригнана одна овца, и ее должны убить.

Авторам этой книги так и не удалось понять, что имели в виду законодатели, заставляя овцу расплачиваться за чужое любострастие и прощая самого преступного хетта. Чтобы представить себе быка, насилующего человека без его согласия, надо иметь крайне раскованное воображение. Вероятно, подразумевался все-таки полюбовный союз с быком (хотя и его нелегко представить). В таком случае непонятно, почему человек, соблазнивший быка на противоестественную связь, сам не нес никакой ответственности за случившееся. Но логику законов, составленных три с лишним тысячи лет тому назад, постигнуть трудно. И в этом убеждаешься, узнав, что кабану, по необъяснимому капризу хаттусских законодателей, было дозволено то, что не дозволено быку:

Если кабан вскочит на человека, то это не преступление.

Интересно, что человеку при этом тоже было не дозволено то, что дозволено кабану. И если кабан мог заниматься любовью с человеком, не вступая при этом в противоречие с законом, то человек не мог ответить ему тем же, соблазнив свинью:

Если кто-нибудь провинится со свиньей или с собакой, то он должен умереть; его должно привести к воротам дворца, и либо царь их убьет, либо царь его оставит в живых, но он не должен приближаться к царю.

Но запрет на любовь со свиньями хетты могли совершенно легально компенсировать с лошадьми или мулами:

Если человек провинится с лошадыю или с мулом, то это не преступление, но он не может приближаться к царю и не может стать жрецом...

Интересно, что тот же параграф закона, который разрешал хеттам заниматься любовью с мулами, разрешал и секс с чужестранцами:

Если он ляжет с чужестранцем... то это не преступление.

Бракоразводный процесс в Угарите

Город-государство Угарит, располагавшийся на севере современной Сирии, был подчинен державой хеттов в XIV веке до н. э. К тому времени Угарит был городом эмансипированных женщин и достаточно свободных разводов; по мнению некоторых ученых, здесь даже практиковались гостевые браки, в которых супруги проживали раздельно. Угаритские женщины могли самостоятельно владеть имуществом, их права на случай развода оговаривались в брачном контракте.

Документы сохранили память о скандальном бракоразводном процессе угаритского царя Аммистамру II с амурритской принцессой Бин-Рабити. Чем провинилась бедная принцесса перед мужем и его матерью, царицей Ахатмилку, мы, наверное, уже никогда не узнаем. Известные нам события начинаются, когда жена уехала от мужа в родной Амурру, сам царь выехал из Угарита, а мать его готовилась высказать свое мнение о невестке народному собранию. Аммистамру II пытался удержать царицу от этого шага – вероятно, он вовсе не жаждал стирать свое грязное белье на людях, кроме того, он хотел вернуть жену обратно. Царь пишет матери, что простил Бин-Рабити. Он отправляет в Амурру послов с подарками, и они возливают на голову беглой жены елей – символ брака, как это делалось на свадьбах.

Но склеить елеем разбитые отношения царю не удалось. Супруги снова ссорятся, и Аммистамру II требует развода. Разойтись с царской дочерью – дело не самое простое, политические последствия могут быть непредсказуемыми. Оскорбленный супруг ищет справедливости «пред лицом» царя города Каркемиш (в Каркемише правила младшая ветвь царской династии хеттов, в чьем непосредственном подчинении находились Угарит и Амурру). На процесс приглашен брат преступной жены, Шаушкамува. Не вдаваясь в подробности, Аммистамру II сообщает, что Бин-Рабити пыталась «нанести вред» и совершила «большой грех». Мужская солидарность побеждает: муж получает право изгнать жену из Угарита, брат в свою очередь изгоняет Бин-Рабити из дворца и из столицы. Но право на свое приданое царица сохраняет. Для разрешения имущественных споров обращаются к хеттскому царю Тудхалие IV.

Сын Бин-Рабити и Аммистамру II, Утри Шаррума, оказался перед нелегким выбором: последовав за матерью, он навсегда лишился трона, а оставшись в Угарите – сохранял свои права наследника престола. Неизвестно, какое решение принял Утри Шаррума – царь с таким именем в Угарите не правил, но не исключено, что сын опальной царицы сменил имя, взойдя на престол.

Тем временем Аммистамру II жаждет уже не только развода, но и крови. Он идет войной на Амурру, надеясь лично расправиться с бывшей женой. Войну Угарит проигрывает.

Шаушкамува, хотя и изгнал Бин-Рабити из города, но полностью порвать родственные связи не решается. Он ставит Аммистамру II условие, что тот никогда не будет посягать на его сестру, а в противном случае выплатит огромную контрибуцию.

На этом бракоразводный процесс мог бы и закончиться, но неожиданно в дело вмешался хеттский царь Тудхалия IV. Была ли тут замешана политика или же хетт оказался женоненавистником, но он неожиданно потребовал выдачи непокорной жены мужу. Шаушкамува не решился перечить могущественному соседу, тем более что по решению хетта угаритский царь должен был выплатить ему за сестру тысячу сиклей золота (около десяти килограммов). Несчастная Бин-Рабити была выдана на казнь собственным братом, и удовлетворенный Аммистамру II на радостях выплатил ему на 400 сиклей больше. Так была поставлена кровавая точка в бракоразводном процессе.

Служители Кибелы

У фригийцев, осевших в Малой Азии после падения Хеттской державы и составлявших значительную часть ее населения, был издревле распространен культ богини, носившей имя Великой Матери, а позднее – Ма или Кибелы. Поклонники этой богини оскотпляли себя в память о юноше, которому Кибела приказала остаться девственником.

Когда на берегах Малой Азии появились греки, они быстро переняли культ Кибелы у новых соседей, и богиня начала свое победное шествие по Ойкумене. В конце III века до н. э. она покорила непобедимый Рим – здесь ее культ слился с культом богини посевов Опис и получил статус государственного. Кибеле были посвящены Мегалезийские игры, которые подробно описывает Овидий в своих «Фастах» – книге о календарных праздниках Рима. Рассказывает поэт и о том, как богиня плодородия по какому-то необъяснимому капризу потребовала от своего возлюбленного навеки отказаться от плотской любви.

Когда-то юный отрок, «обаятельный обликом Аттис», увлек Кибелу «чистой любовью». Богиня потребовала от юноши, чтобы он оставался при ней и «блюл святыни», а также поставила маловыполнимое условие «отроком быть навсегда», то есть отказаться от плотской любви с кем бы то ни было.

Повиновался он ей и дал ей слово, поклявшись:

«Если солгу я в любви – больше не знать мне любви!»

Скоро солгал он в любви; и с Сагаритидою нимфой

Быть тем, кем был, перестал. Грозен богини был гнев...

Ревнивая Кибела погубила соперницу, а на Аттиса насла-
ла безумие, и он сам оскотил себя острым камнем.

Он голосит: «Поделом! Искуплю я вину мою кровью!

Пусть погибают мои члены: они мне враги!

Пусть погибают!» Вскричал и от бремени пах облегчает,

И не осталось вдруг знаков мужских у него.

Это безумство вошло в обычай, и дряблые слуги,

Пряди волос растрепав, тело калечат себе...¹⁴

С тех пор наиболее рьяные почитатели Кибелы оскотляли
себя, чтобы уподобиться Аттису и выполнить за него обет,
который оказался не под силу фригийскому отроку.

---

¹⁴ Здесь и далее «Фасты» цитируются в пер. Ф. Петровского.

Зороастрийцы

В VI веке до н. э. Междуречье, Малая Азия и Египет попали под власть Персидского царства, которым правила первая из великих иранских династий – Ахемениды. Религией персов был зороастризм, названный в память своего основателя – Заратуштры. Последователи Заратуштры молились огню и исповедовали веру в два управляющие миром начала – доброе (Ахурамазда, или Ормузд) и злое (Ангра-Манья, или Ахриман).

Поскольку воинство Ахурамазды надо было умножать, а обращение иноверцев – дело хлопотное и не всегда благодарное, первые зороастрийцы решили увеличить число своих приверженцев самым простым, доступным и приятным способом: они стали размножаться. Многоженство приветствовалось, содержание нескольких наложниц – тоже.

Геродот писал:

Главная доблесть персов – мужество. После военной доблести большой заслугой считается иметь как можно больше сыновей. Тому, у кого больше всех сыновей, царь каждый год посылает подарки. Ведь главное значение они придают численности. Детей с пяти до двадцати лет они обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. До пятилетнего возраста ребенка не показывают отцу: он среди женщин. Это делается для того, чтобы в случае смерти ребенка

в младенческом возрасте не доставлять отцу огорчения.

Позднее Страбон тоже отмечал, что персидские цари ежегодно давали гражданам награды за многодетность.

Свадьбы у персов было принято играть в начале весеннего равноденствия. Жених вступал в брачный покой, предварительно отведав яблока и верблюжьего мозга, и в этот день уже ничего больше не ел. По-видимому, такая диета способствовала многодетности.

Несмотря на верблюжий мозг и на все старания зороастрийцев, многочисленными они стали не сразу. Живя в окружении иноверцев, первые последователи Заратуштры категорически не хотели с ними родниться. Поэтому они проповедовали браки между родственниками, считая, что лучше выдать девушку за брата или даже отца-зороастрийца, чем за иноверца. Поначалу это было вынужденной мерой, но потом зороастрийцы к ней привыкли и она им понравилась. Обычай родственных браков получил громкое название «хваэтвадата» и вошел составной частью в зороастрийский «символ веры».

Историк Ксанф Лидийский, современник Геродота, писал о мужчинах-зороастрийцах, что они «сожительствуют со своими матерями. Они также могут вступать в связь с дочерьми и сестрами». Причем поощрялось не просто сожителство, но именно брак. Многие цари персов были женаты на своих сестрах.

(Следует отметить, что современные зороастрийцы кате-

горически отвергают кровнородственные браки; они утверждают, что обычай хваэтвадаты следует понимать исключительно в духовном смысле.)

Обычаи персов и покоренных народов распространялись и смешивались внутри огромной державы. Страбон писал:

Мидийцы и армяне почитают все священные обряды персов. <...> Знатнейшие люди племени также посвящают богине своих дочерей еще девушками. У последних в обычае выходить замуж только после того, как в течение долгого времени они отдавались за деньги в храме богини, причем никто не считает недостойным вступать в брак с такой женщиной.

Страбон сообщает также, что горным мидийцам не разрешалось иметь менее пяти жен. А мидийские женщины, в свою очередь, считали за честь иметь как можно больше мужей, и если у них было меньше пяти мужей, «полагали это несчастьем».

Первый парфянский царь Аршак женился на двух своих единокровных сестрах. Эту традицию продолжали и его наследники – цари Аршакидской династии, а сменившие их Сасаниды не только продолжили ее, но развили и углубили. Правивший в середине III века н. э. Шапур I женился на собственной дочери Адур-Анахид и сделал ее своей Царицей цариц. А зороастрийский первосвященник Кридэр, перечисляя в надписях свои благочестивые дела, называет среди них и поощрение браков-хваэтвадата. Примеру Сасанидов, но-

сивших титул Царя царей, следовали и просто цари – например, известный своим благочестием армянский царь Тиридат I, женившийся на сестре, и их подданные.

Зороастрийские обычаи существовали в Азии больше тысячелетия, и только ислам – довольно жесткими методами – смог ограничить их применение. В результате в XIV веке зороастрийские жрецы требовали только, чтобы родители «старались сына одного брата женить на дочери другого» – благо такой брак был обычным и среди мусульман.

ГИНЕКЕЙ И ГИМЕНЕЙ (ГРЕЦИЯ)

Первой греческой (и, кстати, первой европейской) свадьбой, описание которой дошло до наших дней, была печально знаменитая свадьба Персея и Андромеды. Правда, сама свадьба происходила в Эфиопии (напомним, что Эфиопия греческих мифов находилась на берегах обтекающей землю реки Океан и не совпадала с одноименным африканским государством). Но жених был греком, и описание церемонии, составленное греческими авторами, сохранилось в пересказе римского поэта Овидия.

Когда Персей, отрубив голову Медузы, летел через море на своих крылатых сандалиях, он увидел эфиопскую царевну Андромеду, прикованную к скале. Девушка пострадала за хвастовство своей матери Кассиопеи – царица заявила, что превосходит красотой морских богинь Нереид, те обиделись и пожаловались Посейдону. Владыка морей разгневался и наслал на эфиопов сразу две напасти: наводнение и морское чудовище. Избавиться от них можно было, только принеся Андромеду в жертву чудовищу. Персей подоспел в самый последний момент.

Андромеда, хотя и была эфиопкой, проявила себя в этой нелегкой ситуации как истинная гречанка: даже перед лицом неизбежной смерти не смела «дева – с мужчиною речь завести». Она и лицо «стыдливое скрыла б, верно, руками»,

но помешали цепи. Столь удивительная в столь экстремальных условиях скромность прельстила сердце героя. Разумеется, спасти чужую невесту (Андромеда была просватана за собственного дядю) Персей не собирался, но, пока чудовище вылезало из воды, он успел поставить перед ее родителями вопрос ребром: «Доблестью ей послужу, и да будет моей – вот условие». Кефей и Кассиопея, естественно, согласились. Владелец крылатых сандалий даже не стал извлекать из сумки убийственную голову – с воздуха он без особых проблем пронзил чудовище мечом.

Свадьбу сыграли незамедлительно, причем по греческому обычаю. И даже греческие боги почтили дворец царя Кефея своим присутствием. Возможно, римлянин Овидий кое-что прибавил от себя – но в «Метаморфозах» описывается, как сами Амур (он же – греческий Эрот) с Гименеем потрясали факелами на этой свадьбе. Всюду были зажжены благовонные огни. С кровель свисали цветочные венки. Звучали «лиры, трубы и песни». В царском дворце были настежь распахнуты все двери, открыт «золотой атрий». На «пышно устроенный пир» прибыла местная знать.

Свадебный пир подходил к концу, и уже «дарами щедрого Вакха повозбудились умы», когда во дворец ворвался Финей – первый жених Андромеды. Финей был по всем понятиям не прав, и отец невесты пытался воззвать к его совести:

Коль ее столь ценной считаешь,

Сам бы деву забрал на скале, где ее приковали!¹⁵

Неудачливый жених не прислушался к голосу разума и метнул копье в соперника, но не попал. Персей перехватил копье и тоже метнул его... И тоже не попал – копье угодило в голову некоего Рета, который, вообще говоря, был ни при чем. После чего пиршественный зал превратился в поле битвы. Дрались чем придется. У одних было оружие, другие сражались – кто сорванным с дверей дубовым засовом, кто – тяжелым кратёром, предназначенным для разведения вина. Сам Персей – поленом, дымившимся на алтаре, ударил по лицу шестнадцатилетнего Лимнея и «раздробил ему вдребезги кости». Когда же стало ясно, что одним поленом врагов не одолеешь, Персей призвал соратников отвернуться и достал из сумки знаменитую голову. После чего враги окаменели, а соратники остались невредимы. Невредимым остался и злокозненный Финей, тоже успевший вовремя отвернуться. Неудалый жених обратился к Персею с мольбой о пощаде, но герой ответил:

Не обижу тебя я железом.

Наоборот, на века, как памятник некий, оставлю.

Будешь всегда на виду ты в доме у нашего тестя,

Чтобы супругу мою утешал нареченного образ.

После чего Финей тоже был обращен в камень. Но, ви-

---

¹⁵ Здесь и далее «Метаморфозы» цитируются в пер. С. Шервинского.

димом, Персей все же усомнился в том, что Андромеда сможет должным образом «утешаться», глядя на статую бывшего жениха и дяди. Во всяком случае, вскоре после кровавой свадьбы он забрал жену и переехал с ней на остров Сериф, к своей матери Данае.

Так была отпразднована примерно в XIV веке до н. э. первая известная нам в деталях свадьба с участием европейца. Конечно, и до той поры боги, герои и простые смертные женились и выходили замуж, но как проходили сами свадьбы, мы не знаем.

Вторая свадьба, подробности которой дошли до наших дней, – скандальная свадьба Пелея и Фетиды, состоявшаяся в XIII веке до н. э. Она особо примечательна тем, что это была первая и, кажется, последняя в Греции свадьба богини со смертным. Богиням случалось вступать с людьми в любовные связи и даже в прочные союзы (например, Эос много лет прожила с Тифоном), однако никакими церемониями это, насколько известно авторам настоящей книги, обычно не обставлялось. Но у Фетиды была особая ситуация – ее выдавали замуж боги.

Было предсказано, что родившийся от Фетиды сын превзойдет своего отца. Боги не любят уступать детям место на Олимпе, поэтому невесту решено было выдать замуж за смертного – героя Пелея. На свадьбу позвали всех, кроме богини раздора Аты. Она-то и подбросила на пиршественный стол золотое яблоко с надписью «прекраснейшей». По-

сле чего ссора трех красавиц, поспоривших из-за яблока, стала причиной Троянской войны, и свадьба рядовой, в общем-то, богини вошла в историю.

Третьей свадьбой, рассказ о которой сохранили мифы, была трагическая свадьба царя лапифов Пирифоя и Гипподамии. Приглашенные на праздник кентавры, с непривычки перебрав вина, бросились похищать женщин, включая невесту, и свадебный пир превратился в побоище...

Брачная жизнь Пирифоя вообще отмечена особой скандальностью. После того как он овдовел, он вместе со своим другом Тесеем решил похитить Елену Аргивскую (впоследствии Елену Троянскую), тогда еще почти ребенка. Тесей к тому времени успел умыкнуть и бросить Ариадну, силой увезти в Афины царицу амазонок и родить с ней сына Ипполита, потом вступить в трагический брак с Федрой... Короче, женихи друг друга стоили.

Поскольку друзей было двое, а Елена одна, они договорились, что после похищения бросят жребий, а для проигравшего добудут другую невесту по его выбору. Пирифой проиграл и заявил, что желает получить в жены Персефону, супругу Аида, царя загробного мира... Пожелай он чего-нибудь попроще, греки сыграли бы две свадьбы, Елена стала бы женой Тесея, и это изменило бы историю культуры, потому что тогда в античной мифологии не было бы знаменитой клятвы женихов, погнавшей тысячи ахейцев под стены Трои. Напомним, что позднее отец Елены, выдавая дочь

замуж, связал всех претендентов клятвой помогать тому, кто станет ее мужем. Если бы юная Елена вышла за Тесея, этого бы не случилось. Парис в конце концов, конечно, похитил бы Елену, поскольку красавица была обещана ему Афродитой. Но вместо масштабной греко-тройанской кампании мы имели бы мелкую афино-тройанскую заварушку, и Гомеру пришлось бы петь о чем-нибудь другом... Но Пирифой потребовал богиню...

Верный обещанию, Тесей оставил совсем еще юную невесту на попечение своей матери Эфры и вместе с Пирифоем отправился в Аид. Друзья не придумали ничего лучшего, как прямо явиться к подземному богу и потребовать выдачи Персефоны. Аид покарал неудачливых сватов достаточно мягко: он предложил им присесть. Друзья так и сделали, а встать уже не смогли. Отсидка Тесея, правда, оказалась не слишком долгой: его выручил проходивший мимо Геракл. А Пирифой бессрочно сидит и по сей день.

На земле тем временем разыгрывалось новое скандальное сватовство. Братья Елены, близнецы Диоскуры, осадили Афидны (город неподалеку от Афин) и освободили сестру. Эфра, так и не успев стать свекровью Елены, превратилась в ее рабыню. А отец Елены решил выдать дочку замуж, пока красавицу не похитил кто-нибудь еще. Привлеченные то ли красотой Елены, то ли раздутым вокруг ее имени скандалом, женихи со всей Греции собрались в Спарте. Назревала междоусобица. Перепуганный Тиндарей боялся объявить

имя счастливца. И только совет Одиссея связать всех претендентов клятвой о помощи избраннику предотвратил кровопролитие.

Почему выбор Тиндарея и, возможно, самой Елены, пал на Менелая, современному человеку понять трудно. Ведь брат Менелая Агамемнон не так давно убил мужа и малолетнего сына Клитемнестры, сестры Елены, и принудил овдовевшую женщину к браку. Тем не менее Елена избрала в мужа Менелая и стала невесткой убийцы своего первого зятя и племянника. Подробности самой свадьбы история не сохранила.

Зато сохранились подробности другой свадьбы: Менелай выдавал замуж свою дочь от Елены, а заодно и женил внебрачного сына. Церемония эта состоялась уже после завершения Троянской войны, и ее описание у Гомера – первое описание свадьбы в европейской литературе. О бракосочетаниях Персея, Пелея и Пирифоя мы знаем по более поздним источникам, хотя сами свадьбы, согласно хронологии мифа, были сыграны раньше. А двойную свадьбу в доме Менелая через четыре с лишним века описывает Гомер, древнейший из европейских литераторов:

Свадьбу сына в то время он праздновал и непорочной
Дочери в доме своем, средь собравшихся родичей
многих.

Сыну Пелида, фаланг разрывателя дочь посылал он;
В Трое давно уже дал обещание он и согласие

Выдать ее, и теперь этот брак им устроили боги.
Много ей дав колесниц и коней, отправлял
к мирмидонцам
Дочь он, в город их славный, где царствовал сын
Ахиллеса.
Сыну ж привел он из Спарты Алектора дочь молодую¹⁶.

Интересно, что согласия дочери на брак Менелай не спрашивал. Он обещал ее Неоптолему еще во время осады Трои. Теперь Гермione исполнилось уже около 39 лет. Ей было девять, когда Елена бежала в Трою; десять лет длились приготовления к войне, столько же – сама война; потом Менелай около десяти лет скитался по миру... Однако Гермione осталась «непорочной», дожидаясь возвращения отца.

Сам свадебный пир в описании Гомера мало отличается от повседневных пиров, которыми басилевсы услаждали себя едва ли не каждый вечер. Служанки ставят перед гостями серебряные тазы и золотые кувшины «с рукомойной водою». Ключница расставляет столы и кладет на них хлеб и разные кушанья, «охотно их дав из запасов». А кравчий, «блюда высоко поднявши, на них преподнес им разного мяса и кубки поставил близ них золотые».

Так пировали они под высокою кровлею дома,
Сродники все и соседи покрытого славой Атрида,
И наслаждались. Певец же божественный пел под

---

¹⁶ Здесь и далее тексты Гомера цитируются в пер. В. Вересаева.

формингу,

Сидя меж ними. И только лишь песню он петь
принимался,

Два скомороха тотчас начинали вертеться по кругу.

Непонятно, участвуют ли в свадебном пире женщины и даже сами невесты. Во всяком случае, если они и сидят за столом, то молчат. Молчит о них и автор. Лишь Елена выходит к гостям и принимает участие в разговоре. Но и она не пирует, а занимается рукоделием.

Если о свадьбах мифических времен известно мало, то о процедуре развода – еще меньше. Вероятно, поначалу они были не слишком приняты, и уж тем более были невозможны повторные браки разведенных женщин. Если верить историку и географу II века н. э. Павсанию, когда-то греческие женщины, даже овдовев, сохраняли верность первому мужу. Историк пишет о дочери Персея Горгофоне: «Говорят, что она была первой из женщин, которая после смерти мужа своего Периера, сына Эола, за которого она вышла замуж девушкой, вновь вышла замуж за Эбала. А прежде был обычай, что по смерти мужа женщины оставались вдовами».

Но пример Горгофоны оказался заразительным, и уже в XIII веке до н. э., за одно-два поколения до начала Троянской войны (которая традиционно датируется рубежом XIII и XII веков), героини греческих мифов начинают вступать в повторные браки, причем не только после вдовства, но

и после развода. Разводились и люди, и боги, причем без особых бюрократических проволочек. Одним из первых знаменитых разводов стал развод Пелея и Фетиды.

Дело в том, что от брака, в котором один из родителей был богом, а второй – смертным, традиционно рождались смертные же дети, которые становились более или менее выдающимися героями. Однако Фетида не хотела мириться с такой несправедливостью и всех родившихся у нее детей засовывала в огонь, дабы проверить, бессмертен ребенок или нет. Впрочем, некоторые мифографы утверждают, что богиня таким образом выжигала в ребенке его смертную составляющую, а оставшуюся в результате этой операции божественную сущность отправляла на Олимп. Но при всех условиях Пелей вместо обещанного ему выдающегося сына не получал никакого наследника вообще.

Богиня успела «обессмертить» шестерых детей, пока незадачливый муж наконец не решил вмешаться. Когда Фетида опустила в огонь очередного ребенка, Ахилла, Пелей запротестовал. Результатом был полный и окончательный развод. Обиженная богиня оставила и мужа, и сына и вернулась в море, к отцу и к своим многочисленным сестрам. А Пелею пришлось нянчить младенца в одиночку. По-видимому, он опасался, что не справится с ребенком, и малолетнего Ахилла отослали на воспитание к кентавру Хирону, а потом – к царю Ликомеду.

Из других богинь, которым неоднократно грозил развод,

можно отметить Персефону, хотя в данном случае «грозил» – слово неподходящее, поскольку сама Персефона против развода, судя по всему, ничего не имела. Ее родной дядя Аид похитил девушку (с разрешения ее отца Зевса) и сделал своей женой, но возмущенная таким произволом мать Персефоны, Деметра, отказалась исполнять обязанности богини плодородия, после чего всякое плодородие на земле сошло на нет. Наступила неведомая ранее зима, начался голод, а главное – люди перестали приносить жертвы богам. Деметра требовала вернуть ей дочь, и Аиду пришлось выполнить ультиматум богини. Однако, отпуская Персефону на землю, бог загробного царства предложил молодой жене проглотить зернышко граната. Известно, что гранат у греков был символом брака, и, по-видимому, брака нерасторжимого. Во всяком случае, Деметра, встретившись с дочерью, немедленно стала выяснять, не случилось ли ей отве-дать граната. Если бы все обошлось, то, по словам богини, брак можно было бы считать расторгнутым. Но надежды Деметры не сбылись, и Персефона осталась замужем; правда, брак этот «гостевой» (две трети года жена проводит вдали от супруга) и, видимо, не слишком удачный. Известно, что Персефона изменяла мужу: сначала с собственным отцом Зевсом, потом с рожденным от него сыном Дионисом-Загреем (Сабасием). Не вполне понятные отношения у нее и с Адонисом, который формально никогда не был ее любовником, но которого она, однако, ежегодно подолгу удерживает под

землей вопреки протестам влюбленной в юношу Афродиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.